

Сергей Молоцов

**Поделись
улыбкою
своей**

издательство «Лань»

Керчь
2013

Сергей Молодцов
ПОДЕЛИСЬ УЛЫБКОЙ СВОЕЙ
сборник
юмористических рассказов

ББК - 84 (Крым. – рус.)
М 262

Сергей Молодцов. «Поделись улыбкою своей».
«КГЛито «Лира Боспора» 176 стр. 2013 г.

Редактор А. Н. Вдовенко
Вёрстка, корректор: Т. В. Левченко
Дизайн – автор.

В новой книге керченского писателя и поэта Сергея Молодцова собраны юмористические произведения, разные и по жанру, и по времени написания. Автор щедро и открыто делится своею улыбкою с читателями, искренне надеясь на такую же улыбку в ответ.

Книга рассчитана на широкую читательскую аудиторию.

ISBN 978-076-482-734-3

© «КГЛито «Лира Боспора» - макет 2013 г.
© Молодцов С. В. – текст, дизайн 2013 г.

Сергей Молодцов

**ПОДЕЛИСЬ
УЛЫБКОЮ
СВОЕЙ**

сборник
юмористических рассказов

*Детям: Матвее, Наталье и Сергею
внукам: Марине и Андрею —
посвящается*

*Пусть улыбка и весёлое настроение
всегда сопутствуют вам в жизни!*

Керчь
2013

Сергей Молодцов

Родился 22.12.1954 г. в п. Усть-Абакан, Хакасской автономной области. Окончил Абаканское медицинское училище (фельдшер) и Кемеровский институт культуры (режиссёр). Служил в Советской Армии. Работал режиссёром ТЮЗа, художником ДК, на педагогической работе. Награждён орденом Красной Звезды, медалями. Пишет стихи, прозу и юмористические рассказы. Лауреат конкурса писателей-юмористов 2010 г.; член «КГЛито «Лира Боспора» и Союза РПВК. Публиковался в периодической печати, сборнике поэзии «Пространство любви» («Таврия», Симферополь), в альманахах: «Истоки» (Москва), «Амурские просторы» (Хабаровск), «Поэтическая карта Крыма» (Симферополь), «Лира Боспора» (Керчь), «Золотая Лира» (Керчь), «Крылатая душа» (Керчь). Автор книг «Его звали Док» (Керчь, 2012 г.), «Всего один шаг» (Керчь, 2013 г.)

УЛЫБКА СЕРГЕЯ МОЛОДЦОВА

Трудная у нас жизнь. Прямо скажем: суетная. Как же в ней окончательно не оскотиниться, не озвереть?! Да как?! – Улыбаться!

Ничего полезнее человечество за свою многотысячную историю не придумало. Юмор – это поплавок, который гораздо крепче и надёжней всех иных поплавков удерживает нас на поверхности бурного грозового и штормового житейского моря.

Ну, казалось бы, где найдёшь более невесёлое, не юморное место, чем больница: запахи лекарств, боль и страдания человеческие – двадцать четыре часа в сутки. Однако, именно теме болезни и больнице посвящены многие рассказы, входящие в новую книгу Сергея Молодцова: это и «Реанимация» – юмористическая миниатюра, яркая пародия одновременно и на наших врачей-неумёх, и на многочисленные телесериалы вроде американского «Доктора Хауса» или родных российских «Интернов»; и «Народная медицина»; и, конечно, цикл коротких рассказов «Семь вечеров в палате № 7». О нём стоит сказать особо. Вольно или невольно, но в памяти сразу всплывает Палата № 6. Оно и понятно, классика есть классика – она будет питать собою ещё не одно поколение писателей. Но автор попал в яблочко и с точки зрения нумерологии. Шестёрка – число роковое, трагическое, часто несущее беду. «Палата № 6» А. П. Чехова – предчувствие революционных бурь. Семёрка же – число мистическое, оно может нести в себе и плохое, и хорошее. Даже больше хорошего. Все герои рассказов цикла – в травматологии (чего уж хорошего), тем не менее, укрепляют свои семейные отношения и даже находят новых друзей. Такова чудесная, изумительная парадоксальность всей нашей жизни.

Вообще, этой удивительной парадоксальностью пронизана буквально вся книга. Но что решающе важно: последнее слово всегда остаётся за хорошим, за добром!

Находится пропавшая милицейская машина, и всем героям хорошо («Случай на дороге»). После ссоры, только крепнет угасшая, было, дружба бывших одноклассников («Наш товарищ 10-й класс»). Опасные для здоровья и жизни любовные приключения заканчиваются мирными беседами («Не имей 100 ключей»). Сильно повреждена комсомольская пара молодожёнов, но читатели почему-то верят, что впереди их ждёт долгая и счастливая семейная жизнь («Комсомольцы – беспокойные сердца»). Перипетии с сапогами и тапочками не приводят к разрушению семейных пар («Два сапога – пара»). Выстрел невесты начальству в весьма пикантное место приносит ей с женихом квартиру, авто и ещё много ценных вещей («Фото на обложку»). Даже лирический герой единственного в книге стихотворения (автор – кто не знает – ещё и поэт) если и совершил что-то не очень хорошее, то не по злomu умыслу, а так, по наивности («Утреннее объяснение в РОВД»).

Надо сказать: Сергей Молодцов выполнил пожелание, ставшее названием книги. Поделится своею улыбкою. И теперь и он, и мы надеемся и верим, что многие и многие читатели улыбнутся в ответ.

*Алексей Вдовенко
Руководитель Совета «КГЛито «Лира Боспора»,
Член Межнационального союза писателей Крыма,
Союза русских писателей Восточного Крыма.*

ОТ АВТОРА

В этом юмористическом сборнике, я не стал размещать: ни пародий на стихи некоторых поэтов; ни самих стихов (за исключением одного стихотворения); ни различных ляпов, казусов, высказываний и объявлений. Этот сборник я отдаю полностью жанру юмористического рассказа. В 2010 году я стал лауреатом конкурса писателей-юмористов, как раз в этом жанре. Ему я и поныне отдаю предпочтение.

Юмористические рассказы, представленные в этой книге, не высосаны из пальца. В основе каждого лежит, если не реальный жизненный случай, то, хотя бы незначительный, казалось бы, факт. С помощью авторской фантазии, эти факты и превращаются в «весёлые картинки». Но каждая из этих, казалось бы, «лёгоньких картинок» – несёт в себе немалую смысловую нагрузку, призывая задуматься и сделать те или иные выводы.

Какова же основная задача юмора в целом? Он помогает **жить**.

В существующем Зазеркалье, можно выживать и жить, только обладая здоровым чувством юмора, который не даёт окончательно скатиться в депрессию.

Я вспоминаю слова бабушки, которая говорила моему отцу: «Тебе – больно. А ты улыбайся! Тебе кажется, что лежишь в яму, а ты цепляйся зубами за жизнь и смейся ей в лицо!»

Чувство юмора помогает нам в различных жизненных ситуациях. С ним проще переносить весь, сыплющийся на нас со всех сторон, негатив. Не обладай люди чувством юмора – мир, просто бы, сошёл с ума.

Мой добрый совет для всех: в какую бы сложную жизненную ситуацию вы не попали, постарайтесь посмотреть на неё с иной стороны и отыскать хотя бы нюансы, вызывающие улыбку. И тогда, поверьте, вам станет гораздо легче.

Как говорят: безвыходных ситуаций не бывает, из любой есть как минимум два выхода. И если вы сможете оценить создавшееся положение под иным углом зрения – считайте, что один выход уже у вас есть и он поможет отыскать другой. Принцип прост: от смешного – к серьёзному. Ведь юмор не создаётся из воздуха, из ничего. Он проявляется повсеместно в нашей повседневной жизни. Вопрос заключается лишь в том, как смотреть и оценивать ту или иную ситуацию.

Присмотритесь внимательнее, сделайте небольшую переоценку и, казалось бы, обыденное, расцветёт ярким букетом юмора. Потому что он вездесущ. Это: и названия различных торговых и иных точек; и повсеместная реклама; разнообразные объявления и публикации в прессе; выступления и шоу на телевидении... Я уже не говорю о повседневном общении: в общественном транспорте; магазинах; на рынках; да, просто, на улице – здесь юмор можно встретить на каждом шагу.

Научитесь находить смешное даже в грустном. Ведь не зря говорят, что смех – это витамин здоровья, который продлевает жизнь. Я не буду цитировать здесь классиков, но их мнение в этом вопросе, однозначно – без юмора нам не прожить.

Читайте, смейтесь, ЖИВИТЕ!

УТРЕННЕЕ ОБЪЯСНЕНИЕ В РОВД

Я не алкаш... И ни при чём мой нос...
Вы правы, что пусты совсем карманы...
Ну, выпил... Тормоза пошли вразнос...
А сколько пил? Всего лишь полстакана...

Что? Лез на столб и митинг проводил?
Вопил, – нам революция нужна?
Да, да, простите... Точно перепил...
Да водки полстакана, – не вина!

Что? Бил витрины в модном бутике?
И раздавал желающим товары?
А сам? Сам двинул после налегке
Гонять с ружьём кавказцев по базару?

А где я взял ружьё? Я ж не стрелок...
И меч с копьём? Вы что, на самом деле!
Я ж перепутаю, где ствол, а где курок!
Ах, в бутике, в игрушечном отделе!

С копьём наперевес пошёл на исполком?
Орал: «Работу людям и зарплату!»,
Чтоб снизили тарифы, дали свет с теплом,
Чтоб накормили бедного солдата...

Да... Жизнь подкосила... Довела...
Что?! Срок дадут за все мои «фигуры»?!
Я ж за народ! Без всякого там зла!
Кто я? Простой учитель физкультуры!

Вчера был сокращён... И денег не дают...
Уж сколько лет бьют прямо по карману...
Вот, с горя, первый раз глотнул – чего нальют,
И выпил-то всего лишь полстакана!

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА

Вот ты, Гриня, всё ворчишь, что у нас медицина никакая, что лучше народными средствами лечиться...

Я чего здесь, в травматологии лежу? Полечился, блин, «народными методами».

«Как, как...» Да вот так, мать её ети! Купила моя Зинка, как-то книжечку «Советы народных целителей».

Ну, проглянул я её от нечего делать... Лучше бы я, Гриня, этого не делал! Дёрнула меня нечистая!

Короче. Читаю про то, что меня беспокоит. А беспокоит, Гриня, уже всё. Нашёл про варикоз. Там целитель такой совет даёт: «Если у вас на ногах – вены», – пишет он, а я сижу, как дурак и думаю: «Интересно, а что вены на ногах не у всех что ли? У избранных

только? Ну, мои-то на месте». Продолжаю читать: «...тогда вам надо поймать двух лягушек и прибинтовать их к ногам. Лягушки будут возмущаться и сопротивляться, но вы не обращайте внимания – через пару часов они успокоятся, утомятся и притихнут. Держать их прибинтованными нужно 10 – 12 часов. Успех вам гарантирован».

Я почесал репу и подумал: «Попробовать, что ли? А что? Зинка вон уже килограммы мазей на меня извела и хоть бы хрен-по-деревне! А тут – дёшево и сердито!

Словом, взял сачок, пошёл к нашей речушке и наловил квакушек ведёрко. С запасом старался, чтобы на несколько сеансов хватило. Пришёл домой, ведро с квакушками на балкон поставил, а сам стал пристраивать к ногам первую, испытательную, пару. Прибинтовывал аккуратно, чтобы не раздавить их случайно. Те, конечно, возмущаются, орут, протестуют значит против произвола. Которые в ведре, тоже не отстают – вопят в голос, поддерживают товарок. Не квартира, а филиал местного болота! Ладно, думаю, написано же, что через пару часов им надоест. Так что, пусть повопят пока. Подожду!

Делать нечего, сел читать книжицу дальше. Поискал про ревматизм. Меня, Гриня, поясница замучила. Прихватывает и прихватывает, собака! И тут я нахожу как раз то, что мне нужно.

«Если у вас болит поясница», – пишет другой целитель, – «то вам нужно проделать следующее: присесть на корточки, обхватить руками ноги под коленями, прижаться к ним подбородком, свести глаза к

переносице и сделать кувырок, через голову, назад, громко говоря при этом: «Изыди, боль!» Сделать это нужно 12 раз, и тогда вы забудете, что такое боли в пояснице. Успех вам гарантирован».

Ну, раз гарантируют – надо попробовать. Попробовал. Только ни хрена не получается: всё набок падаю, а через голову – ну ни в какую!

Я, Гриня, мужик упёртый. Раз решил – сделаю. Да и завёлся уже. Стал мозговать и придумал, Кулибин хренов! Соорудил этакий трамплин, чтобы облегчал назад переворачиваться. Взял кусок доски, закрепил на одном конце прочный шнур. Нашёл колёсико с желобком и присобачил его у основания люстры. Получился блочок. Пропустил через него шнур и свободный конец привязал к дверной ручке. Провёл испытания: дверь открывается из прихожей, шнур натягивается и, через блочок, свободно поднимает край доски вверх. Осталось сзади доски стол убрать и матрац постелить, чтобы, значит, кувыркаться мягче было. И всё – кувыркайся – не хочу! Дверь открывают – кувырок. Закрыли – на исходную!

Стою я, Гриня, на этой доске и гордость меня распирает, что придумал способ такой – кувыркайся сколько влезет! А чего не кувыркаться? Весу во мне – 50 кило, росту – метр с шапкой, а Зинка моя – гренадёр! Рост – под два метра, весу – под 100 кг! Ей эту дверь, с моим трамплином, 12 раз открыть и меня кувыркнуть – как чашку картошки почистить! Стою и мечтаю, что надо бы этим целителям написать – может в соавторы возьмут или деньжат каких за рацуху подкинут...

И тут слышу, входная дверь отворяется и в прихожую вваливается моя Зинаида. С рынка вернулась. Грохнула сумки на пол и орёт (она у меня чуть глуховата, вот и орёт постоянно)

«Васька», – орёт, – «иди, помоги разгрузиться!»

А я на доске стою и тоже кричу ей: «Сейчас, Зин! Только дверь в зал пока не открывай!»

Я же стол ещё не отодвинул и матрац не положил. Сейчас, думаю, всё приготовлю, а потом попрошу её открыть дверь. Во, сюрприз ей будет! Бесплатный акробатический номер!

А она меня через стекло дверей увидела и орёт: «Васька, паразит, ты чего там притих? Опять пьёшь пока меня дома нету?»

И кинулась к дверям в зал. Дёрнула – не открывается. Она опять в крик: «Закрылся, забулдыга! Убью!» Да как рванёт дверь со всей своей силушки и дурости!

Я с доски взлетел, как ракета в космос, да как шарахнулся башкой об стол! Искры из глаз так и посыпались!

Последнее, что помню – грохот в прихожей, дикий Зинкин вой и тут на меня ещё сверху что-то обрушилось... Всё... Аут...

... Очнулся – лежу, привязанный к кровати, рядом медсестра капельницу пристраивает.

«Где я, дочка?» – спрашиваю, – «Что со мной?»

«В психоневрологическом отделении». – отвечает, – «И не дёргайтесь, больной, вы под капельницей, у вас сотрясение головного мозга».

«А чего я привязан-то? И почему в психушке лежу?»

«Вас зафиксировали, чтобы вы не вставали. Я же говорю – сотрясение! А в каком отделении вам лежать – лечащему врачу виднее!»

«А где он, лечащий?»

«Послезавтра, в понедельник, будет с утра на обходе!»

... Через два дня, Гриня, пришёл врач, разобрался со мной скоренько и переехал я сюда, в травму.

А тут и дочка пришла после занятий нас навестить... Да, я же тебе не говорил, что Зинаида моя здесь же лежит, в палате по соседству. Вот дочка и просветила меня, что было после того, как я вырубился напрочь, слетал, блин в нирвану!

... Она, значит, из училища возвращалась, с занятий, в подъезд вошла и тут услышала грохот на втором этаже и маманин вопль. Кинулась наверх, вбегает в квартиру, а там – картина Репина «Приплыли»: маманька лежит вдоль прихожки, молчит, не шевелится. Сверху на ней умостились: сорванная дверь и трюмо – всё вдребезги...

В комнате я лежу, тоже без признаков жизни, а на мне – остатки люстры сверкают и доска сверху... Вдобавок ко всему – лягушки из ведра повыбирались, скачут по квартире и квакают... Короче – сталинградская битва в приволжских болотах... Дурдом полный!

Ну, вызвала дочка «Скорую», привезли нас в приёмный покой. Зинку-то сразу в травму покатали, а вот меня... Врач, когда размотал мне бинты на ногах, а оттуда квакушки вывалились – в осадок выпал. Орёт на этих, со «Скорой»: «Вы чего его сюда привезли? Мало, говорите, что он в квартире погром устроил и

чуть жену не искалечил, так он ещё и лягушками за-чем-то обложился!» Не успел он договорить, как я, в беспамятстве, ещё и подлил масла в огонь. Видно мне в башке засела эта фраза из книжки, ну я и давай орать: «Изыди, боль!»

Тут врач, вообще, аж подскочил от возмущения и орёт: «Вы слышите? Он ещё и материт меня, такой сякой! «Изыди, бл...дь!» кричит! Нет! Везите его прямо в психдиспансер! Только пусть его зафиксируют, а то он им там дел наворочает, когда очухается! Лечение от сотрясения я сейчас пропишу, а с ним самим пусть в понедельник психиатр разбирается! Его клиент!»

... Вот так, Гриня, полечился я методами «народных» целителей! Уж лучше и дальше, по-старинке, в поликлинику ходить, чем такое «лечение» на дому организовывать! А все эти советы и средства – пусть сами «народные» знахари на себе вначале испытают, прежде чем других поучать, что лечить и как!

«РЕАНИМАЦИЯ»
(юмористическая миниатюра)

На сцене, за столом сидит врач, что-то мурлыкает себе под нос и пишет. Из-за кулис доносятся тревожные голоса. Слышны команды: «Подключить аппарат искусственной вентиляции лёгких!», «Дефибриллятор!» и т.д.

Входит мужчина в белом халате и обращается к сидящему за столом.

Н. П. – Пал Семёныч, что у тебя творится в операционной?

П. С. – Да интерн с сёстрами-практикантками работают, Николай Палыч.

Н. П. – А ты-то чего сидишь?

П. С. – А что я там забыл?

Н. П. – В чём дело, Семёныч? Случай, видать, не из простых! Столько времени справиться не могут!

П. С. – Вот то-то и оно, Николай Палыч! Тут, слушай, такая история. Купил мужик в секс-шопе последнюю японскую модель силиконовой куклы. Человек – один к одному! И кожа, и температура тела, и глазками моргает, и даже двигается и говорит! Ну и одета прилично. Усадил он её в машину, чин-чинарём и – поехали. По дороге – авария. Ну, их обоих «скорая» к нам и привезла! Мужик-то сразу оклемался, вон в коридоре сидит, а у куклы какие-то микросхемы заклинило. Короче – труп. Хотел я уже его домой отпустить, а тут интерн Володя со своей свитой сестёр-практиканток под руку подвернулся. Думаю пусть попрактикуются лишний раз, чем лясы точить!

Н. П. (еле сдерживая смех) – Так они там её... (давясь от смеха) Пытаются... (хохочет)

Вбегает медсестра и, сорвав маску, радостно кричит:

1-я м/с – Получилось! Получилось!!!

Н. П. и П. С. (вместе) – Что!?

1-я м/с – Ожила женщина! Даже заговорила!

Н. П. (еле сдерживая смех) – А что говорит-то?

1-я м/с (смущаясь) – Да не в себе она видать после аварии! Раскинулась на столе и кричит: «Где ты, мой тигр? Твоя кошечка ждёт!»

Н. П. и П. С. уже не сдерживаясь, хохочут в голос.

Вбегает 2-я медсестра.

2-я м/с – Быстрее на помощь! Там больная зажала Владимира Сергеича и рвёт с него одежду!

Все бегут в операционную.

АВОСЬ, КАЖИСЬ, НЕБОСЬ И НАКОСЯ ВЫКУСИ!

«Авось на этот раз что-нибудь выгорит!» – подумал я, приступая к гаданию **«Любовь – волшебная страна»**, где излагалось следующее: «... Изготовьте из бумаги круг диаметром 10 см, в секторах напишите: «Любовь», «Встреча», «Деньги», «Рок», «Дорога», «Театр», «Страсть» и т.д. (см. рисунок). Затем напишите на бумажке свой вопрос, потом хорошенько прожуйте

бумажку и, отойдя от круга на 1 метр, постарайтесь доплюнуть до него бумажкой. Плевать можно 3 раза. Результат выводится из среднего значения. Предположим, вы плюнули в круг трижды, и выпало «Знакомство», «Рок», «Деньги». Значит, вас ожидает роковое знакомство, во время которого будет потрачено немало денег... Основная сложность заключается в том, что попасть в круг довольно трудно. Если издали плевать не получается, можно сократить расстояние». (Отрывной календарь за 2008г.)

Я мужик хоть простой, но дотошный: нарисовал старательно круг, расчертил на секторы, написал что надо и, на отдельной бумажке, – желание. Какое – вы и сами допрёте, поскольку мужик я одинокий и женским полом не избалованный. Прожевав своё «желание», я приступил к гаданию. Боже, как я плевал, верблюдов мне в подмётки не годится! Три метких плевка – три разных сектора! Выпало, значит, такое: «Знакомство», «Страсть», «Деньги». Два пункта меня устраивали по полной программе, а вот третий... Ну, думаю, ладно, тратится буду поосторожнее. А то раскручусь, а в результате – нуль! Бывало уже, знаем!

В приподнятом настроении я приступил ко второму этапу программы: стал обзванивать потенциальных невест из газетной рубрики «Служба знакомств».

«Кажись, будет страсть!» – мысленно возопил я от восторга, когда после десятого, что-ли, звонка одна из дам согласилась на встречу. «Газуй, Саня! Два пункта уже выпали! Вот на третьем не наколись!» – вопил я себе, лихорадочно собираясь. Выскочив из дома, забежал в магазин и приобрёл «джентльменский набор»:

бутылку водки, литр «красной», килечку на закусь, а для дамы – торт. В общем, всё как надо.

Время поджимало, и я поймал такси.

Не успели мы тронуться с места, как к машине подлетела Люська из 8-й квартиры, кладовщица из нашего цеха и нагло вломилась в салон.

«Ты куда прёшь? Не видишь – занято!» – возмутился я.

«Ой, Санечка, – затараторила Люська. – Мне в парикмахерскую срочно надо, я на встречу спешу!»

«А я что, по-твоему, на профсобрание еду? Может, нам не по пути!»

«Ну, Саня, – заныла Люська – выручай!»

«Ладно, – махнул я, – «погнали, шеф к горпарку, а по пути эту скинем!»

«Небось моя сейчас вот также спешит!» – смаковал я предстоящую встречу, – «Фуфырится на всю катушку!» Люська в это время трещала без конца как сорока. Вообще-то она бабёнка – ничего. Хоть и разбитная, и выпить не дура, да вот с мужиками ей всё не везёт, но в этот раз, видно, кого-то ущучила.

Подъехав к салону красоты, Люська весело прочикала: «Пока, Саня!» и, только хотела сделать ручкой, как я поймал её за рукав: «А платить Пушкин за проезд будет?» – ехидно поинтересовался я. Люська опешила: «Саня, нам же по пути было, чего ты мелочишься?» В другое время я бы смолчал, но помня о пункте третьем моего гадания, взвинтился: «Вот своему ухажёру счёт и выставишь! А щас плати свою часть и вали на фиг, я тоже опаздываю!»

Вы не знаете Люську, а я с ней в одном цеху уже семь лет работаю и столько же в одном подъезде живу. И на фига я с ней связался!? «Крохобор», «алкаш недобитый», «пародия на мужика» – это самое ласковое и печатное из того, что загибалась Люська в мой адрес. Страсти разгорелись нешуточные. На кону стоял принцип, и битва развернулась не на живот, а на смерть.

«Накося выкуси!» – вопил я. – «Плати, а то хана твоей свиданке, не выпущу никуда!»

Не знаю, чем бы всё закончилось, если бы к нам не подошёл милицейский наряд, привлечённый воплями. Вначале они нас хотели забрать в отделение, но Люська пошла на попятную – всё же горело свидание – и, со всхлипами, расплатилась, бросив на меня уничтожающий взгляд напоследок.

Довольный, что пункт 3-й гадания у меня из-под контроля не вышел, я подъехал к центральному входу в горпарк. Дамы моей ещё не было, а так как меня слегка колотило, я решил успокоить нервы.

Сел на лавку, природа в парке располагала, и я приложился к «беленькой». Ополовинив ёмкость, зажевал килечкой и стал размышлять. Чего-то явно не хватало. Вскоре я понял – цветов. Но, помня о пункте 3-ем, я решил не тратиться, а нарвал пышную охапку на соседней клумбе.

Моей дамы сердца всё не было. И тут появилась Люська. Заметив меня, она презрительно дёрнула головой и уселась на соседнюю лавку, поглядывая на часы. Время шло. Но ни её ухажёр, ни моя пассия не появлялись. Темнело. Становилось скучно до ломоты

в зубах. Наконец я решился: «Люсь, иди примем на мировую! Да и ждать вдвоём веселее!» Люська не заставляла себя ждать и, начав с «беленькой» мы незаметно приговорили и литр «красненького». Показалось мало, и я рванул за добавкой. Потом мы, обнявшись, пели, жаловались друг другу на жизнь вообще и на отдельных баб с мужиками в частности, над чем-то хохотали и даже пытались танцевать вальс всех влюблённых на ободранной клумбе.

Утром, когда нас выпустили из отделения милиции, где я выложил солидный штраф, Люська прохрипела с обидой в голосе:

«Ну и козёл же этот мой ухажёр, Саня! Так и не явился, гад! Вот и верь вам после всего!»

«Моя тоже не лучше», – ответил я. – «И вообще, вся эта «Служба знакомств» – сплошное разводилово и кидалово!»

Люська с горечью поддакнула:

«Вот-вот! Ни имени, ни адреса – один телефон! Ну, я сейчас позвоню! Устрою ему «битву под Берлином»!»

Войдя в подъезд, мы мирно распрощались, даже поцеловались по-братски и разошлись.

Ещё в коридоре я услышал как надрывается телефон. Женский голос в трубке разъяснил мне кто я такой и к какой матери мне следует идти вместо свидания. Голос был до боли, подозрительно знакомым.

«Люсь, это ты?» – спросил я неуверенно.

«30 лет уже как Люся! А вот как тебя, козёл, звать-величать?!» – услышал я в ответ.

«Люсь, да это я, Саня!» – промямлил я растерянно.

«Так это что? Вчера на свидание, выходит, меня приглашал ты?» – спросила Люська.

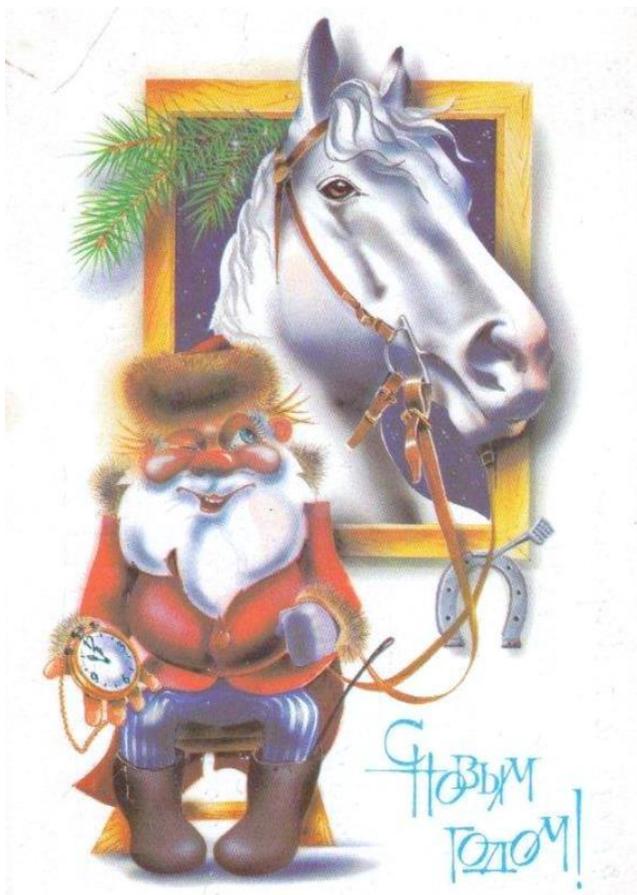
«Выходит – я», – вздохнул я.

«Ну и дела!» – воскликнула Люська – «И что теперь?»

... Свадьбу мы закатили грандиозную. Даже пригласили тот милицейский наряд, что забрал нас из парка. Ведь если бы не они – не было бы у нас с Люськой ночи в «обезьяннике» с утренним чувством солидарности и поддержки друг друга!

Вот и не верь после этого гаданиям!

ЗДРАВСТВУЙ, ДЕДУШКА МОРОЗ, БОРОДА ИЗ ВАТЫ!

Просматривая отрывной календарь на новый год, на одном из листков я наткнулся на «ПРЕДНОВОГОДНЕЕ КОЛДОВСТВО»: *«Чтобы не испытывать затруднений в денежных средствах в наступающем году, нужно вложить в конверт несколько бумажных купюр и послать его по почте самому себе так, чтобы получить*

это денежное письмо уже в новом году». * Дважды прочёл, заинтересовался, ещё раз прочёл и решил: а почему бы не сделать приятные сюрпризы своим близким в Новом году?

Мудрить и мелочиться не стал, поскольку: чем больше денег получишь – тем лучше. Сказано – сделано! Чтобы не вызвать ненужных вопросов и подозрений, текущей кассы (кошельков жены и тещи) не тронул, а вот заначки их (о которых они наивно полагали, что я не ведаю) очистил, да и свою всю в дело пустил. Каждую заначку решил отправить её владельцу, дабы избежать непоняток и разборок по поводу денежных сумм. Но тут возникла проблема, даже две: количество денег и способ отправки.

Поскольку каждый на что-то копил, то суммы подобрались приличные: я – на японский лодочный мотор; жена – на очередную оплату учёбы сына в институте и новую шубу; теща – на свои стариковские дела и будущий свадебный подарок для нашей 16-летней обалдуйки дочери. Такой толщины три стопочки денег в конверты не запишаешь... Пораскинув мозгами, эту проблему я решил быстро: пошёл в обменник и обменял три пачки гривень на три тонкие стопочки сто долларовых купюр.

Над второй проблемой пришлось поломать голову. Как отправить? В простых конвертах – рискованно, а переводом – не интересно: всем надо на почту идти, очередь выстаивать... Но и тут мозга сработала чётко – заказные письма! Во-первых: гарантия, что не пропадут; во-вторых: доставят и вручат лично!

*Отрывной календарь «Про гадания и народные приметы» на 2008г.

Чтобы не вызвать ненужного любопытства у приёмщицы заказной корреспонденции и замаскировать купюры, я сделал гениальный ход – вложил их между листами различных старых инструкций: себе – от электрочайника; жене – от бензопилы; теще – от электродрели. Аккуратно упаковав каждую инструкцию в прозрачные пакеты, довольный своей сообразительностью, я пошёл на почту.

Оформив три заказных письма с уведомлением, получив квитанции и заверения, что письма будут доставлены 2-го, в крайнем случае, 3-го января, я, в радужных предвкушениях приятных сюрпризов и с чувством выполненного долга, отправился домой.

Глядя на домочадцев я смаковал: как же вытянутся их лица от изумления когда они получают мои подарки! А сколько радости и веселья будет в доме! Поэтому традиционные подарки под ёлку я делать не стал, а лишь загадочно и туманно намекал всё утро и день 1-го января: «Ждите Деда Мороза!»

Обещанный Дед Мороз ни 2-го, ни 3-го, ни 4-го, ни 5-го не появился и мне стало не совсем по себе... Семейство подсмеивалось и иронизировало надо мной, а я начинал впадать в подобие лёгкой паники и закипающего чайника, инструкцию от которого так ждал. Бросался к двери на каждый звонок и шорох пока не грянуло... Первой пропажу обнаружила жена, за ней – теща, и началось: «Милиция! Караул!! Обокрали!!!» Кое-как успокоив с помощью валерьянки и валидола взбудораженных дам, я, перескакивая с пятого на десятое, тыча им в нос листок календаря и почтовые квитанции, с грехом пополам разъяснил ситуа-

цию. Выслушав всё, что полагается, в свой адрес и отложив экзекуцию на потом, мы дружно всем семейством рванули на почту.

Приёмщица, недоумённо повертев в руках наши квитанции, что-то полистала, покопалась в стопках каких-то бумаг и принялась названивать по телефону. Напряжение нарастало как столбик термометра в жару. Семейство уничтожало вторую упаковку валидола... Наконец, минут через 40 телефонной ругани с какой-то Валеи, пререканий со Степанычем от которого «аж в трубку несёт» и умильно – мурлычащих вопросов к какой-то Елене Петровне, приёмщица гордо выдала: что, так как услуги почтовой связи в новом году подорожали, вся недоплаченная корреспонденция отправлена по обратным адресам, с рекомендацией приобрести и наклеить дополнительные марки, после чего её доставят получателям.

Мы хором возмутились, что отправляли письма ещё в прошлом году, на что приёмщица ехидно поинтересовалась:

«А какого числа?»

«31-го!» – гаркнул я.

«А в какое время?»

«Так почти в 19-ть, перед самым закрытием!»

Ответ убил наповал: «Почта работает официально до 18-ти часов. А 31-го мы задержались, по просьбе руководства, на час, за отгул, по причине незавершённой работы: был большой наплыв корреспонденции.

Праздник как-никак! Так что, всё, что после 18-ти часов пробивалось 2-м января! Вы квитанции свои смотрели?»

Столкнувшись лбами, мы уставились в квитанции, где чёрным по белому стояла дата приёмки – 2-е января. В ход пошла третья упаковка валидола... Валерьянка уже не капалась, а глоталась прямо из пузырька...

«Так зачем принимали письма?» – спросил я благоухая аптекой.

Приёмщица добила окончательно :

«А кто тут просил, умолял, комплиментами разбрасывался?»

«Так почему же принимали по старым ценам?» – тихо сумел прошептать я.

«А мы инструкцию только 2-го и получили, как на работу вышли!»

«И что теперь?»

«Ждите!»

Не стоит живописать что было потом... Вот уже третий месяц я живу в лодочном гараже, сплю на дражном матрасе, питаюсь консервами и заваливаю запросами все почтовые управления: от городского до республиканского. Отовсюду регулярно приходит стандартный ответ: «Ждите или свяжитесь с отправителем корреспонденции!»

Я бы непременно так и поступил... Но в адресе отправителя, рассчитывая на эффект и изумление домашних, я написал: **«ЛАПЛАНДИЯ, ДЕДУ МОРОЗУ»...**

Дед Мороз! Ау!! Где же ты?! Отзовись!!!

ПРАЗДНИК И – ТОЧКА!

Вот! Накося-выкуси! Буду сегодня выглядеть на все 100! Можно себе позволить такую роскошь хоть раз в году? Буду выглядеть! Чтобы эти козлы, как глянули, так у них бы сразу передние копыта подломились и бородёнка затряслась! А моему чучелу до лампочки всё, хоть противогаз надень – он только спросит: «Чё, макияж новый сделала? И за скока?»

Его кроме мотоцикла и горючки ничего не интересует! Слышь, девки, в том году плюнула на всё и купила себе на праздник духи. Не польско-турецкую «Шанель», где «Тройной» одеколон пополам с самогоном, а фирму! 60 гривень за три миллилитра выложила! Так мой дятел чуть живьём не сожрал:

«Ты чё? Крышей поехала? Мне горючку брать не на что, а она опять подорожала – до 8-ми!»

Ничего себе, горючка! Я его спрашиваю: «Ты куда её девашь? Ездить не ездишь, а на горючку тебе всё давай!»

Он говорит: «Дура! Она же испаряется! Вон весь гараж пропах! И я, как парами надышусь – еле стою!»

Ну, это я и так постоянно вижу. Только вот странно: почему у горючки запах водки? А он мне: «Чё ты понимаешь? Это высокооктановая горючка: два раза вдохнёшь – и с копыт!» Я ему: «А ты не дыши!» А он: «Щас! А кто мотоцикл к лету готовить будет?»

Вот так и идёт: три месяца он ездит, а девять – сидит в гараже и горючкой травится!

Ладно, чего это я? Сегодня надо выглядеть и – точка! Интересно, а как это сделать? Рекламу посмотришь: выбирай – не хочу! Одежда – от Гуччи; бельё – от Армани; косметика – от Ив Сен-Лоран; прокладки, пардон, «Онли ю» – «Только ты», значит! Одного вот никак не пойму: причём здесь Элвис Пресли? Он что, про «крылышки» пел что ли?

Что-то я отвлеклась, а надо соображать! На этой неделе смотрела «Керчь». Ведущая советует: «Женщина начинается с белья! Побывайте в нашем фирменном магазине, оденьте это Чудо, и сразу почувствуете себя Королевой!»

Ну, я пошла. Посмотреть. Посмотрела...

Захожу – стоит корреспондентка нашей городской газеты: челюсть отвисла, глаза на лбу, тычет чем-то в продавщицу и как кукла заводная талдычит одну фра-

зу: «За две верёвочки с лоскутком – 47 условных едениц?!»

Приехали. Если две верёвочки с лоскутком столько стоят, то во что же станет бюстгальтер с сорочкой и платье с туфлями?! Отпад полный!

Короче. Надо что-то оригинальное придумать, чтоб не как все! Вон, на Западе, – у них бабы – «бизнесвумен» да ещё со спортивным уклоном! А что? Идея! Делаем «вумен хиппи-спорт»!

Значит, так: спортивные брюки у меня ещё почти новые (в 91-м в Польше брала и всё без дела лежали!); майку с наклейками – беру у сына, кроссовки – у дочери, а пиджак – у чучела своего! То, что надо! Дальше: волосы взлохматить, брови и ресницы – сажай, щёки и губы – свёклой, в ушах – ничего, на шею – натуральная подкова на цепи; а для благоухания – заправка: одеколон «Русский лес» пополам с лосьоном «Огуречный»! Кра-со-та! Всё! Бегу на чаепитие! Профком бутерброды наделал и открытки закупил! А ещё, начальство по 5 гривень обещало выдать, в счёт прошлогодней зарплаты! Только вот что на них взять к празднику, пока не решила: то ли 2 булки хлеба, то ли один цветок! Ладно, разберусь! Побежала! Держись, мужики!

Использованы материалы: телерекламы Керченского ТВ и статьи из газеты «Керченский рабочий»(февраль 2002г.)

СЛУЧАЙ НА ДОРОГЕ

На одной из полос движения у пешеходного перехода образовался затор. Прямо посреди проезжей части стояли две гламурно-навороченные девицы, с яростно-красными от гнева личиками и, размахивая руками, как крыльями ветряной мельницы, оживлённо беседовали.

«Ты куда прёшь!?» – вопила хозяйка джипа, – «Сплошную» вон переехала, дура!»

«Сама дура!» – возмущалась вторая – «Ты вон сколько «сплошных» переехала? Раз, два, три, четыре...»

«Ну ты и гонишь, подруга! Какие «сплошные? «Зебра»!»

«Это я – зебра!? Ах ты, выхухоль размалёванная! Да я тебя сейчас...»

«Да не ты зебра! Это пешеходный переход – «зебра»!»

«А чего тебя на него понесло?»

«Ну, понимаешь, мне нужно было налево повернуть, а фонарики не работают: то загорятся, то погаснут... то загорятся, то погаснут... А по Правилам я могу перевести своё транспортное средство по пешеходному переходу!»

«Так чего ж не повела, а поехала по нему?»

«Я что, Шварцнеггер джип толкать!? Сама-то чего через «сплошную» на мою полосу попёрлась?»

«Да светофор этот долбаный! Еду – «красный»! Ну и решила объехать – он же сбоку «зелёным» горит! А тут ты прёшься со своим джипом поперёк дороги!»

Со стороны затора неслись гудки.

«И чего разгуделись? Выстроились тут, понимаешь, «кино» посмотреть! А стоянка-то запрещена! Вон знак стоит! Объезжайте давайте! Дороги на всех хватит! Давай на ту сторону и вперёд! Нечего пялиться!»

«Ой, слушай», – поддержала вторая, – «сейчас ГАИ приедет на их гудки, сколько же они штрафов наберут за нарушение правил стоянки!»

Из подъехавшей патрульной машины вышли инспектора. Оценив ситуацию и отметив, что, слава Богу, ДТП нет, все целы, живы и здоровы, припарковали машины девиц у обочины и, к большому удивлению дам, вместо нагло гудевших мужиков, почему-то пригласили в патрульную машину для объяснения и составления протокола их самих.

Выслушав внимательно нарушительниц, оба инспектора поняли одно: что если они разрешат им сей-

час дальнейшее движение, то последствия могут оказаться непредсказуемыми. А тут ещё выяснилось, что обе слегка подшофе, чего они особо и не скрывали: всего-то по чуть-чуть! Почти не считается!

«Вызывай эвакуатор, Юра, он тут неподалеку, сможешь с погрузкой, вторую я сам отведу. А ты завершай протоколы».

Возмущению девиц не было предела. Страсти накалялись нешуточные, но подъехавший эвакуатор наконец-то дал возможность инспектору Юре с честью отступить перед яростным натиском.

«Значит, так», – сказал он, – «сейчас мы доставим ваши машины на штрафплощадку, а завтра вы оплатите штраф и с квитанциями и с мужьями – к нам!»

«А что нам делать сейчас?»

«Езжайте домой», – лаконично ответил Юра и поспешил помочь товарищу с погрузкой.

Лучше бы он этого не делал!

Завершив погрузку кабриолета и отправив вслед напарника на джипе, Юра облегчённо вздохнул и пошёл к патрульному «жигулю»... Вначале он подумал, что у него галлюцинации от жары – машины на месте не было... Тряхнув головой и ущипнув себя, он ещё раз, не веря своим глазам, внимательно осмотрелся. Машина не появилась. Бред продолжался...

«Дядя милиционер!» – окликнул его какой-то пацан. – «Вас забыли забрать? Без вас уехали?»

«Кто уехал? Куда?» – тупо спросил Юра у пацана.

«Да тётеньки на вашей машине! Вон туда поехали!» – махнул пацан рукой.

Юра тормознул какого-то частника, быстро обрисовал ему ситуацию и, наобещав авансом прощение всех грехов, уселся в машину и погоня началась...

Проехав до конца проспекта и не обнаружив нигде своей машины, Юра попросил тормознуть: требовалось подумать. Его колотило как осенний лист на ветру.

«Может валерьяночки, командир?» – участливо спросил водитель.

«Давай!» – прохрипел Юра и выпил весь флакон махом. В голове возникали картины, одна страшней другой... Мысль усиленно металась в поисках решения, и оно было найдено: в протоколах – адреса! Надо ехать по адресам!

По первому адресу дома никого не оказалось. По второму тоже...

На Юру было жалко смотреть: он сидел на лавке у подъезда, растерянно оглядываясь по сторонам, в надежде увидеть исчезнувших как в Бермудском треугольнике девиц и родной «жигулёнок».

«Командир, может по сто пятьдесят?» – спросил сердобольный частник.

«Давай!» – махнул рукой Юра, – «Теперь так и так – хана!»

За первыми сто пятьдесят пошли вторые. Приговорили остатки. Закурили. Нервы подуспокоились и пришла до гениальности простая идея – соседи!

Опрос соседей ничего не дал. Поехали назад по первому адресу. По дороге Юра позвонил напарнику и сказал что задерживается, сославшись на мелкую поломку.

По первому адресу удалось выудить у соседей лишь то, что за городом у хозяйки есть дача. Но где она – не знал никто. Юра снова впал в транс.

Частник, видя, что «командир» в тоске и отказывается реагировать на происходящее, чуть ли не силком заставил его принять очередную дозу «успокоительного». Встряхнувшись, мужики стали думать. Методом исключения они отменили дачные участки с картошкой и огородами и остановились на элитном посёлке в бору. Поехали туда. Наконец-то удача им улыбнулась: на въезде в посёлок охранник подтвердил, что владелица кабриолета вернулась около 2-х часов назад вдвоем с подругой и почему-то на муниципальной машине. Но вопросов он не задавал – не принято.

... А на даче хозяйка Инга вместе с новой подружкой Лёкой, под лёгкую музыку, совместно с «Вдовой Клико», вели нелёгкую борьбу против «Джонни Уокера». На очереди стояло приручение «Белого орла»... Звонок у входных ворот прервал их приятное занятие.

«И кого это принесло?» – удивилась Инга, – «Мой в командировке, гостей не жду... Да ну их всех!»

Но звонок настойчиво требовал внимания к себе. Подруги, с чувством справедливого возмущения, вышли из дома и отправились к воротам мощного забора, чтобы высказать всё нарушителям спокойствия. Каково же было их удивление, когда, открыв дверь у ворот, они увидели уже знакомого им инспектора ГАИ с незнакомым мужиком.

«Ну и чего на сей раз надо?» – подбоченившись, спросила Инга, – «Опять нарушили чего?»

«Где машина?» – почему-то шёпотом спросил Юра.

«А где ей быть? В гараже конечно!» – ответила Инга.

«И чего она там делает?» – снова задал вопрос Юра.

«Стоит», – прозвучал лаконичный ответ.

«Зачем?» – снова был задан вопрос.

«Как это зачем?» – удивилась Инга, – «А на чём к вам завтра ехать прикажете? На перекладных что ли? Наши-то машины у вас!»

«Да как вы вообще на ней додумались уехать?» – возмутился Юра.

Ответ убил его окончательно:

«Ну вы же сами сказали: «Езжайте домой!» Мы и поехали. А что случилось-то? Что-то не так?» – похлопывая ресницами спросила Инга.

Юра потерял дар речи.

«Да я вижу, вам совсем плохо!» – засуетилась Инга, – «Лёка, проводи людей в дом, я пока дверь запру!»

Юра с водителем машинально пошли за Лёкой...

...Через пару часов приехавший по звонку Юры напарник, войдя в распахнутую настежь дверь ограды, застал следующую картину: посреди двора, возле накрытого стола, стоял Юра и размахивал жезлом, как дирижёрской палочкой. Рядом покачивался мужик и выкрикивал какие-то команды. А по огромному двору, по цветникам и газонам, выписывал замысловатые траектории их родной «жигуль», с вопящими от восторга девицами внутри салона, и сияющий, как новогодняя ёлка, всеми своими проблесковыми маячками, фонарями и фарами...

Моей однокурснице Гале Гигиняк посвящается.

НАШ ТОВАРИЩ, 10-й КЛАСС

10-й «А» гудел, как встревоженный улей: гремела музыка родных 70-х; сдвигались столы, на которые выгружалась разнообразная снедь и горячительное в убойных масштабах. Дамы проявляли чудеса сервировки, а мужики курили у открытого окна и футболили избитую фразу: «А ты помнишь?»

10-й «А» проводил встречу выпускников. Организатор встречи, Валентина, которая в классе была скромницей и особо не выделялась, а ныне, открыв в себе новые качества массовика, развернулась во всю постучала вилкой по бутылке шампанского призывая к вниманию.

«Итак, дамы и господа, встречу «Выпуск-74» считаю открытой!» – с этими словами она выдернула из бутылки заранее ослабленную пробку. Шампанское ухнуло струёй и полилось в подставленную тару.

Тост следовал за тостом. Валя, как тамада, вела мероприятие по намеченному сценарию: вспоминали давно забытые события, отсутствующих, преподавателей; играли в различные игры и викторины, танцевали до упаду, периодически возвращаясь к столу.

Вечер проходил на славу. Но наступил момент, когда количество выпитого у некоторых превысило разумные пределы. И вот тут-то началось...

Под восторженные крики мужиков и повизгивание дам, Сашенька-тихоня по школьной жизни, а ныне корреспондент известной газеты – полезла на стол исполнить, как она заявила, «Ганец любви». К разочарованию присутствующих (особенно мужиков), всё закончилось, не успев начаться. Сашенька, наступив на селёдку, со всего маха уселась в блюдо с салатом, произведя маленькое цунами на столе, и была возвращена мужиками на грешную землю, то бишь на пол.

Пока вокруг неё все ахали и охали, отряхивая с юбки салат, Колька Саватеев, бывший офицер-десантник, продолжил культурную программу развлечений. С криком: «Щас я вам покажу фокус!» – он схватил пустую бутылку из под шампанского и... обрушил на свою голову. Класс застыл в ступоре. Наступила тишина. Колька стоял, шатаясь и пытался сфокусировать взгляд на абсолютно невредимой бутылке в своей руке. Затем с рёвом: «Врёшь, падла! Десант крепче!» – он опять шарахнул себя по лбу и, рас-

тянувшись на полу, не выпуская из рук злосчастной бутылки, умиротворённо отключился.

Дамы бросились приводить в чувство героя-десантника. Но тут из дальнего угла класса заорали:

«Убью, гада!» – и вниманию присутствующих предстала следующая картина: бывшая двойко-троечница Маня Балабаева, а ныне уважаемая бизнес-леди, хозяйка сети овощных магазинов, (сделавшая карьеру на корейском луке и картошке) – лупила снятой с ноги туфлей отличника, красу и гордость 10-го «А» Володю Листова, ныне слесаря-сантехника последнего запойного разряда.

«Не дал, жаба, списать химию! всю жизнь мне загубил!» – выла разъяренная Маня. Хотя связать воедино химию и нынешнюю Манюнину жизнь окружающим было трудно.

«Брэк!» – рывкнул Иван, бывший боксёр-разрядник, а ныне грузчик в одном из Маниных магазинов и, схватив в охапку одноклассницу-хозяйку, принялся успокаивать её, поглаживая по голове как ребёнка. Маня, всхлипывая, затихала на широкой груди своего работника.

Валентина, видя, что события начинают выходить из под контроля, предприняла решительные действия по водворению буйной реки в спокойное русло.

«Девочки, мальчики, быстро за стол! Друженько выпьем и поговорим о любви!» – оптимистически обратилась к присутствующим Валя. Класс с энтузиазмом откликнулся на предложение и... понеслось.

Тост опять летел за тостом. Вспоминали: кто за кем бегал, кто по кому вздыхал. Бывшие на встрече

мужья и жёны некоторых одноклассников с удивлением узнавали новые для себя подробности и факты любовных похождения их половинок. Но всё шло более-менее в рамках приличий, хотя сетка вуали просвечивала насквозь. Валя уже потихоньку радовалась в душе, что вечер удался. Как же она ошибалась!

... Впоследствии, давая показания в милиции, никто так и не смог припомнить – с чего всё началось.

Но все сходились в одном: главные виновники – Жорка с Катькой. А произошло следующее.

... Горючее стремительно подходило к концу, а праздник только-только набрал полные обороты.

Основная масса «высокого собрания» была людьми, деньгами не обременённая и поэтому кроме банальной складчины ничего предложить не могла. Но это был мизер: несколько бутылок на двадцать с лишним ртов. Положение спас Жорка Саркисян. Будучи владельцем шикарного в городе ресторана, он отправился с водителем к себе, как он выразился, за «гуманитарной помощью». Напрочь игнорируя мужа, вместе с ними сорвалась и Катька. Впрочем, странного в этом никто не усмотрел, так как все знали, какие страсти-мордасти кипели между Катькой и Жоркой в 10-м классе. Но после школы – как отрезало. Катька, желавшая иметь от жизни всё и сразу, скороспело выскочила замуж за загулявшего в отпуске оленевода и укатила с ним к северным широтам...

Появляясь иногда в городе проездом на юга в очередной отпуск, Катька кичилась перед знакомыми своим длинным северным рублём и в упор не хотела даже слышать про Жорку...

А Жорка эти годы пахал как дядя Том на плантации: вечером – официантом, днём – грузчиком в том же ресторане...

... Шло время, и жизнь расставила всё по своим местам. Кто смог – заработал своим горбом на пряник; кто на хлеб с маслом; кто остался на хлебе, а кому-то жизнь показала фигу и он перебивался, бедолага, с браги на самогон и с аптечных настоек и парфюмерии на бытовую химию...

Но всё как-то стабилизировалось и, сталкиваясь иногда, бывшие одноклассники друг друга не чурались и пальцы веером не гнули.

... Жест Жоры был широк, как и его душа. Первой в класс влетела Катька и, завопив: «Толпа, давай «Туш»! – вскочила на стул и завела – «Пам, пам, тарам, там, там...» Кто-то неуверенно поддержал. Но когда в дверях появился красный от натуги Жорка с ящиком коньяка в руках, а за ним – водитель, с ящиком шампанского, – толпа как с цепи сорвалась. Вопили: кто – «Ура!», кто – «Туш»; тискали и целовали Жорку, Катьку и смущённого водителя. А очнувшийся от криков Коля Саватеев, тупо смотрел на дикие «половецкие пляски» и глубокомысленно изрекал: «Десант везде пройдёт!»

Праздник стремительно понёсся по очередному витку спирали... Пили, пели, обнимались, орали и скакали под «Битлз» как орангутанги в период гона... На Валины попытки перехватить инициативу уже никто не реагировал. Все были заняты собой. И вдруг среди шумного веселья прозвучал Катькин визг:

«Значит не возьмёшь к себе, харя буржуйская? Рожей я не вышла?»

Народ, хоть с трудом, но переключил своё внимание на новую мизансцену, где Катька, с яростью голодной пантеры, наседала на Жору. Размахивая руками, как ветряная мельница, она, уже в голос, вопила: «Значит, администратор из меня никакой? Учиться надо?»

«Да что ты, Кать», – пытался утихомирить её Жора, – «у меня же человек уже столько лет работает! На улицу её что-ли гнать?»

«А по мне – хоть в тайгу!» – не унималась Катька, – «Как на дачу меня с ночёвками возить – так бегом! А как на работу взять – так в кусты? А может, мстишь, что замуж за тебя, рванину, не пошла?!»

Ближнее окружение бросилось утихомиривать Катерину, но та уже закусила удила...

«Твари буржуйские!» – вопила она, – «Ограбили народ, а теперь жируете! А просишь помочь, так рожу воротите!»

«Кать, ну какие мы, к чертям, буржуи? Всё же заработано своими руками!» – попыталась вмешаться Валентина. – «Да и кто отказывается помочь своим, если надо?»

Но ситуация уже вышла из-под контроля, и события понеслись, как пьяный ковбой по прерии. Класс раскололся на два лагеря. Назрела, как писал теоретик, «революционная ситуация»: одни – поддерживали Жорку, другие были на стороне Катьки. И всё бы ещё можно было спустить на тормозах и обратить в шутку после того, как проснувшийся Саватеев, опять заорав

что «десант сильнее всех», в очередной раз долбанул себя по лбу родной ему бутылкой и теперь уже окончательно успокоился под столом, но...

... Но всё испортила гостя с далёкого Сахалина Лёлочка Лопатина. «Ребята, хватит спорить! Давайте лучше выпьем!» – призвала она. Призыв Лёлочки возымел результат. Катька с Жорой отошли на второй план. Лёлочка, которую вдохновил миротворческий успех, вылезла на публику снова.

«А теперь», – предложила она, – «давайте поднимем тост за рыбаков с далёкого Сахалина и закусим вот этой красненькой икоркой с моего заводика!»

Лучше бы она этого не делала...

... Катька развернулась к Лёле. Ваза с красной икрой подействовала на неё как красная тряпка на быка.

«Ах ты, фабрикантша недоделанная», – с ненавистью прошипела она, – «людям жрать нечего, а ты икру лопатой лопаешь!?» С этими словами она выхватила вазу с икрой из рук обомлевшей Лёлочки и опрокинула содержимое ей на голову... И – понеслось...

Кто, кого, за что и чем – было не разобрать. По классу летали стулья, посуда, бутылки, клочья волос и одежды... Полетели вниз ярким, звенящим дождём, оконные стёкла...

Валентина, как самый более адекватный участник событий, попыталась ещё как-то вмешаться и утихомирить публику, но яркая вспышка в глазах от полученного в нос удара, отбросила её в угол, где она и притихла, вслипывая и постанывая от боли, досады и обиды...

... Прибывший по вызову сторожа наряд милиции попытался вмешаться в «мероприятие», но был с позором обращён в бегство объединёнными силами «оппозиционеров». И лишь взвод СОБРа смог навести «конституционный порядок»...

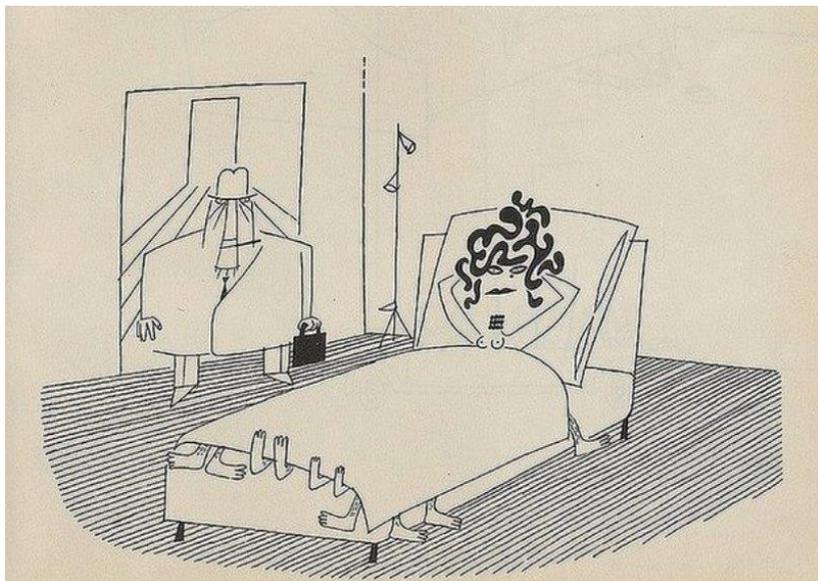
... Ночевали все в «уютных» клетках «обезьянника» горотдела без скидок на пол и социальный статус. В коридоре бодрствовали адвокаты некоторых «отдыхающих»...

А поутру, дав письменные объяснения и заверив, что весь ущерб, нанесённый родной школе, будет покрыт в двойном размере; выплатив единовременную «компенсацию» пострадавшему наряду милиции и лично начальнику за услуги «гостиницы», – наш «товарищ 10-й класс» дружно покинул «гостеприимные» стены ГОВД и организованно потопал в ближайший пивбар «Утро у Степаныча».

Поправив здоровье, начали «разбор полётов», прерываемый время от времени взрывами дикого хохота...

В конце концов, пришли к общему мнению, что встреча всё-таки удалась, а Валентину упростили «не терять народ», «держат руку на пульсе» и заняться регулярной организацией и проведением, так дорогих сердцу, встреч одноклассников...

НЕ ИМЕЙ 100 КЛЮЧЕЙ

Все знают, что новогодняя ночь щедра на сюрпризы и вольно-невольно ждут чуда. А чудеса бывают: ожидаемые и, конечно же, неожиданные...

Тридцатидвухлетняя сотрудница одного из банков, Клеопатра Сергеевна, сюрприза в эту ночь ждала с нетерпением: её шеф, директор банка, Анатолий Семёнович (уменьшительно-ласкательно «папик Толик»), наконец-то разрешил свои семейные проблемы и собирался сделать официальное предложение руки и сердца своей давней «боевой подруге».

Сама Клео тоже лихорадочно «подчищала хвосты». Во-первых: окончательно и бесповоротно выставила бывшего мужа, музыканта рок-группы, кото-

рый никак не хотел взрослеть, был для всех «Лёхой», и вёл «богемную жизнь». Во-вторых: дала отставку «запасному варианту» – старшему оперуполномоченному горотдела УВД – Володе, сделав выбор в пользу стабильного «папика Толика».

Так как у Клео вначале предстоял корпоратив, а затем новогодняя ночь в ресторане, с сюрпризом от Анатолия Семёныча, – она вертелась, как белка в колесе и допустила существенную ошибку: вопросы с Лёхой и Володей решала по телефону, а не при личной встрече, упустив при этом такую важную деталь, как ключи от квартиры...

Лучше бы она этого не делала...

...Покинув по-английски коллектив, Клео с «папиком Толиком» поехали в ресторан. Новогодняя ночь сияла для них звездой нового брака и готовила свои сюрпризы...

А в это время...

В горотделе милиции, все, кто дежурил в эту ночь (да и те, кто задержался на службе и кому спешить было некуда, а кому и не к кому), тоже встречали Новый год. Старший опер Володя, получивший накануне отставку от Клео, глушил стопку за стопкой, пытаясь унять тоску от потери уютной любовницы. Напряженные дня и «огненная вода» сделали своё дело: через час после начала «корпоратива» Вова уже был в состоянии мешка с тряпьем и коллеги решили отправить его домой.

Так как «сидели хорошо» и ехать никому не хотелось – вызвали такси. Усадив (вернее уложив) в машину Вову, щедро «отстегнули» таксисту с наказом

– «доставить аж прямо в квартиру». Таксист пообещал и решил выполнить обещанное чего бы это ему ни стоило, так как «клиенты» были не те, с кем можно шутить. Отъехав немного, таксист сообразил, что ему не сказали адрес и принялся «допрашивать» Вову.

Вова почему-то решил, что его захватили в плен бандиты, которым зачем-то нужен его адрес, «сыграл в партизана» и наглухо замолчал. Бедный таксист бился и так и этак. Наконец, Вова выдал «ложный след» и, довольный собой, заснул. Надо ли говорить, что он назвал адрес своей бывшей любовницы, по которому и был доставлен. Подтащив Вову к дверям квартиры и не дозвонившись, таксист обшарил его карманы, вытащил связку ключей и методом «тыка» нашёл нужный, который Клео ещё не успела изъять... Затащив Вову в квартиру, он вышел захлопнув дверь и, перекрестившись, уехал...

Вова же, на «автомате», добрался до спальни, умудрился раздеться, но почему-то напялил назад на голое тело наплечную кобуру с верным «ПМ» и рухнул в постель...

А в это время...

Ресторан гудел, как растревоженный улей. Вокруг ёлки прыгали, но чаще уже падали, солидные дяди и тётки. «Папик Толик» не составлял исключения и, после его последнего эффектного кульбита на пол, более-менее державшаяся на ногах Клео, решила: «Пора домой!» Загрузив в «Мерс» себя и «папика» при помощи водителя и охранника, Клео умиротворённо заснула.

Доставив и сопроводив в квартиру будущих «молодожёнов», охранник с водителем благополучно ретировались. «Папик Толик», находясь в позе «краба» и, чувствуя сильную усталость, начал потихоньку пробираться к спальне. А Клео, как истинная светская дама, прихватив из бара бутылочку виски «Белая лошадь» и рюмку, извилистым курсом мигрировала в ванную, где и продолжила расслабляться, грезя о будущей семейной жизни...

К чести Толика: он без приключений дополз до кровати, опрокинув при этом лишь сервировочный столик и торшер (по причине полного отсутствия света в спальне), как смог, разделся и принялся брать штурмом кровать. Завершив успешно очередную «атаку», Толик с умилением посмотрел на храпящего под одеялом Вову и нежно промурлыкав: «Клеочка, зайнышка, спокойной ночи!» – залез под одеяло, крепко обнял Вову и, счастливый, заснул...

Клео, выбравшись из ванной, придерживаясь одной рукой за стену, а в другой зажав бутылку с остатками вискарика, продефилировала к спальне. В дверях спальни её остановил несущийся навстречу могучий храп двух мужских глоток. Со словами: «Этой музыки мне ещё не хватало!» – Клео развернулась на 180 градусов, на удивление ровно дошла до тахты, уселась на неё, тяпнула прямо из горла «на посошок» и, забравшись под плед, отключилась...

А в это время...

Возле подъезда Клеопатры Сергеевны притормозил частник и из легковушки выпал клиент. Приняв вертикальное положение и взяв курс на подъезд; раз-

махивая, как флагом, еловой веткой и вопя: «В лесу родилась ёлочка! В лесу она росла!» – мужичок исчез в чреве дома.

Добравшись до дверей квартиры Клеопатры, Лёха (а это был её бывший муж собственной песоной, который прибыл с твёрдым намерением – помириться), открыл дверь не сданным ещё Клеопатре ключом и ввалился в квартиру. Решив сделать Клео сюрприз, он, почти бесшумно (не считая опрокинутой вешалки), добрался до гостиной, где в сереющем свете наступающего утра увидел спящую на тахте бывшую благоверную, а также узрел ополовиненную бутылку с виски, содержимое которой тут же оприходовал. Сил хватило чтобы кое-как раздеться, завалиться к Клеопатре под тёплый мягкий бочок и умиротворённо заснуть...

Пробудилась Клеопатра странно. Ей приснилось, что она смотрит фильм «Золотой телёнок», а именно: одну из многочисленных сцен разборок между Паниковским и Шурой Балагановым...

Оторвав голову от подушки, глянув на закутанного в плед с головой Лёху и приняв его за «папикаТолика», она не могла сообразить: почему сцена из фильма происходит в её спальне, так как голоса доносились оттуда. А фразы звучали узнаваемые: «А ты – кто такой?», «А ты-то, кто такой?»

Требовалось незамедлительно вмешаться и разобраться, что происходит и Клео ринулась в спальню.

Сказать, что она потеряла дар речи от увиденного, значит не сказать ничего. В спальне стояли друг против друга Вова с Толиком, на которых из всей одежды было: на Вове – наплечная кобура, а на Толике – ши-

карный галстук (не считая носка на левой ноге) и, пихая друг друга в грудь, воспроизводили один к одному сцену из «Золотого телёнка». Клео, узрев сие действо, ахнула и ошалело оглянулась на тахту, где из пледа, как из кокона, высунулась на шум Лёхина голова...

Ничего не понимая, но памятуя, чем заканчивались разборки между Балагановым и Паниковским (а тут ещё и Лёху приплюсовывать надо!), Клео приняла единственное в данный острый момент решение: рванула в прихожую как была, схватила валявшуюся на полу шубку и какую-то обувь, выскочила из квартиры и захлопнула за собой дверь...

Позвонив соседям и извинившись за вид (а видок ещё тот был: короткая шубка на голое тело, разномастная мужская обувь на ногах и включенная голова с глазами по блюдцу), Клеопатра Сергеевна вызвонила свою подругу и слёзно упростила срочно забрать её, как она говорила, рыдая в трубку, «из этого дурдома!»

Подруга не заставила себя долго ждать и вскоре, охая и ахая, слушала невероятную новогоднюю историю.

Мал-помалу, подлечиваясь коньячком и приводя в порядок хаос, творящийся в голове, Клео стала понемножку выстраивать версии произошедшего, но ничего более-менее понятного не вырисовывалось. В конце концов, махнув рукой на этот «кубик Рубика», подруги, с возгласами: «Будь что будет!» и «Куда кривая вывезет!» – продолжили праздновать наступление Нового года.

Через пару часов, напевшись, наплясавшись и насплетничавшись, Клео решительно заявила:

«Поехали ко мне! Двум смертям не бывать, а одной не миновать! Да и нет там уже никого. Глянем, что от квартиры осталось. Раскатали, наверное, всё по брёвнышку, гладиаторы эти!»

Подруги приделались, причепурились, тяпнули на посошок по 100 граммук «для храбрости», вызвали такси и отправились в неизвестность...

Подъехав к дому, притихшие подруги поднялись к квартире и прислушались. Из-за двери звучала музыка, слышались весёлые мужские голоса и женский смех. Обе недоумённо и вопросительно посмотрели друг на друга, а затем Клео решительно нажала на кнопку звонка и держала до тех пор, пока женский голос за дверью не поинтересовался: «Кто там?»

«Конь в пальто!» – взорвалась Клео, – «Открывай, давай! Сейчас разберёмся «Ху есть ху!» Дверь распахнулась и на Клео уставилась соседка с нижнего этажа, а за ней, в коридоре, в одеянии римлян (простынь на голое тело), столпились три мужика, из-за спин которых торчали две головы в милицейских шапках.

Клеопатра Сергеевна повторно за этот день лишилась дара речи.

«Милости просим!» – гаркнул стоящий во главе мужской делегации Лёха – «Светочка, Клеочка, приходите, девушки! Мы вам очень даже рады!»

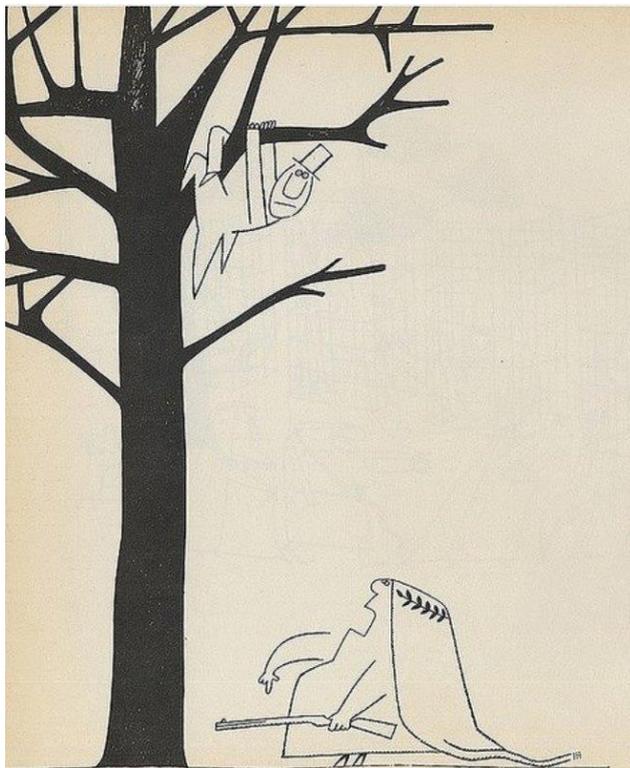
Мужики наперебой загомонили и чуть-ли не силком завели в квартиру очумевших от такой встречи дам. В гостинной был накрыт по полной праздничной программе стол, из телевизора звучали песни и, судя по состоянию на столе, компания (соседка, три «пат-

риция» и два милицейских сержанта), неплохо проводила свой досуг перед приходом хозяйки. Оглушённая непониманием происходящего, Клеопатра Сергеевна обессилено опустилась на услужливо подставленный стул. А компания наперебой и взхлёб начала растолковывать ей ситуацию.

В конце концов, с грехом пополам, Клео поняла, что всё устаканилось. Надо отдать должное мужикам. После того, как Клео сбежала, у них хватило выдержки и ума разрулить ситуацию мирным путём и разобраться – что же произошло на самом деле. Вывод был однозначный: Клео – не при делах, винить её не в чем, виноваты сами. И Вова с Лёхой, извинившись ещё раз перед Толиком, и, оставив ему ключи, уже собрались было уходить, но не тут-то было! Звонок в квартиру вынес их в прихожую. Они подумали что это вернулась Клео, распахнули дверь, а на пороге нарисовались два сержанта из местного райотдела, которых вызвала бдительная соседка с нижнего этажа, увидевшая поутру полуголую и зарёванную Клео и услышавшая подозрительные мужские голоса за дверью её квартиры. Но, как говорил «прораб перестройки», «консенсус был найден» и общество осталось дожидаться возвращения хозяйки. А чтобы ожидание не было скучным, праздник решили продолжать...

Вот такая история случилась однажды в Новогоднюю ночь...

НЕ РОЙ ДРУГОМУ ЯМУ...

Винни-Пух с Доцентом собирались осуществить сделку века – сватовство.

Причём, кто из них потенциальный жених, а кто так, «мимо проходил» – пока известно не было. Всё должно было решиться на месте, так сказать, «по ходу пьесы». Готовились они к этому событию основательно...

Винни-Пух – высокий, черноволосый, с белозубой улыбкой и спортивной фигурой, двадцатипятилетний

красавчик-обалдуй – ничего общего со своим мультяшным тёзкой внешне не имел. Кличка к нему приклеилась после одного из пикников, где он устроил лакомство мёдом для присутствующих. На дереве, под которым они расположились, зоркий глаз Витали заметил дупло, возле которого оживлённо сновали пчёлы. Конечно, если бы он не был под градусом, то 100 раз бы подумал, но водка выработала у него, действующий на уровне рефлекса, принцип: «Пришла идея – действуй!»

Известно, что пчёлы, как и собаки, терпеть не могут двух вещей: когда бесцеремонно вторгаются в их жилище и людей с запахом алкоголя. Виталия этими знаниями не был отягощён, поэтому, забравшись на дерево, смело полез рукой в дупло. Возмущённые таким нахальством, пчёлы, ответили на вторжение адекватно.

Дальнейшее участники пикника вспоминали, как ужастик. Вначале, прямо на пиршественную скатерть, прилетел сверху вопящий Виталия, а потом... Потом начался кросс по пересечённой местности, превысивший все нормативы в данном виде спорта. Пчёлы не выбирали и не разбирались, кто прав, кто виноват, а били на поражение всех, кто под жало попадёт. Спасло всех озеро, в котором им пришлось просидеть до полного отрезвления и посинения, то и дело погружаясь с головой, как тот поплавок. Картинка была, как в фильме «Белое солнце пустыни», только там Саид нырять в песок не мог, зато и пчёлы по голове не тюкали...

С этого дня за Виталей и укоренилось прозвище «Винни-Пух», и как он ни отбрыкивался от него – бесполезно...

Его друг, Гоша, был полной противоположностью Витали: невысокого роста, пухленький, светловолосый весельчак, непоседливый, как юла, – с детства носил кличку «Попрыгун». Но в недавнем прошлом жизнь преподнесла ему новое «погоняло».

Однажды, придя в сауну, в которой полным ходом шёл ремонт, но парная работала, Гоша, по привычке, сразу залез в неё. Пока товарищи расслаблялись в обновлённой комнате отдыха, Гоша усиленно потел в парной. Наконец, зажмурив глаза от заливающего лицо пота, он осторожно слез с полка, выбрался наружу, нащупал ограждение бассейна и прыгнул в благодатную свежесть воды...

В комнате отдыха, услышали дикий крик и матершину. Решив, что Гоша перехватил парка и получил ожог – бросились на помощь. Каково же было их удивление, когда они обнаружили Гошу, барахтающегося в здоровой бадье с цементом, стоящей на дне ремонтируемого бассейна. А когда он, целым и невредимым, выбрался из жидкого раствора, его встретили гомерическим хохотом. В перерыве между очередным приступом судорожного смеха, кто-то сказал: «Не, вы гляньте – точно, Доцент из «Джентльменов удачи»!

Так Гоша и стал «Доцентом»...

Итак: Винни-Пух и Доцент должны были свататься...

Вернее, им устраивали смотрины. В положительном результате они были крайне заинтересованы, вне зависимости от того, в чью пользу будет сделан выбор.

Дело в том, что накануне, на дискотеке, к двум великовозрастным бездельникам подошла их бывшая одноклассница и соседка по дому Верка Круглова. Она и сделала им предложение, от которого не то что нельзя, а просто глупо было отказываться. Нет, за себя замуж, Верка их не звала, ни обоих сразу, ни по отдельности. Суть заключалась в другом – требовался жених её директрисе, причём срочно.

Верка работала секретаршей в одной из финансовых фирм и неплохо поднялась там: прикупила машину, со вкусом одевалась и могла позволить себе раз в год расслабуху на пляжах Азии. Виталья же с Гошей, глядя на соседку, могли только облизываться, поскольку к двадцати пяти годам сознательной жизни не достигли ничего. Их путь был прост, как медный пятак: школа – ПТУ – армия и постоянные поиски, как они говорили, «нормального дела». Хорошо, что ещё родители у того и другого имели стабильные доходы и пока терпели своих оболтусов.

Верка ввела друзей в курс дела. Её директриса, сорокасемилетняя Жанна Абрамовна получила предложение возглавить филиал какого-то банка: не то на Кайманах, не то на Кипре. Но дело не в этом. Она не хотела оставлять хорошо работающую фирму на чужого человека. А так как близких родственников у неё не было, то выход был один – срочно выйти замуж за

надёжного человека, на которого можно оставить хозяйство, без боязни кидка.

Верка сама предложила ей этот вариант в одной из доверительных бесед, которым они частенько предавались с начальницей, коротая время за рюмочкой хорошего коньяка. И кандидата надёжного она же вызвалась подыскать, подумав сразу о Витале и Гоше. Короче – одному светил фиктивный брак и владение фирмой, другому – любая должность в ней. Сама Верка оставляла за собой насиженное место, не претендуя на большее.

Дело было изложено, информация переварена. А так как времени на раскачку не было, то и ответ требовался сразу. Он и прозвучал. К удовлетворению сторон – положительный. Верка, предупредив, что завтра будет их ждать к 17:00 в фирме «Доступный кредит» по адресу такому-то, где и представит Жанне Абрамовне, – улетучилась. Приятели же, остались отметить этот неожиданный поворот в игре, под названием «Жизнь»...

На следующий день началась бурная подготовка к смотринам: стрижка, бритьё и персональное внешнее оформление или, как модно это сейчас называть – тюнинг.

Винни-Пух представал в образе эдакого дворового мачо. Доцент и впрямь выглядел как научный сотрудник захудалого НИИ в своём костюме-тройке, при галстуке, в очках и шляпе. Хотя шансы у них, теоретически, были равны – Винни всё же надеялся обскакать товарища. А чтобы уже наверняка – он прихватил с собой талисман, на текст которого натолкнулся

утром, отрывая листок календаря. Там было напечатано следующее:

«ТАЛИСМАН УДАЧИ

Если в какой-либо день вам особенно нужна удача в делах торговли и бизнеса, то напишите на восковой бумаге тайные слова : «ZAV XAUM ABBE LAKS» и положите записку под стельку левого башмака. Ведя переговоры, заключая контракты и сделки, старайтесь время от времени переносить центр тяжести тела на левую ногу, если вы говорите стоя, или более плотно прижимайте ступню левой ноги к полу, если вы ведёте дела, сидя за столом переговоров».

Винни-Пух прочёл. Затем, уже вдумчиво, прочёл ещё раз. Ему понравилось, и он решил воспользоваться календарным советом. Что такое «восковая бумага» Винни представлял смутно и поэтому поступил, как в поговорке: «За неимением гербовой, пишем на простой». Старательно переписав текст, он скрутил бумажку и сунул под стельку левого кроссовка, после чего почувствовал себя гораздо увереннее.

Итак, Винни-Пух с Доцентом отправились свататься...

... Жанна Абрамовна, проинформированная верной секретаршей, ждала претендентов. На самом деле, ей было глубоко безразлично, сколько их будет. Ей нужен был один – алчный и глупый. Дело в том, что Жанна Абрамовна тонко и расчётливо запустила через Верочку дезинформацию о своём отъезде в качестве главы банковского филиала. Она и в самом деле должна была уехать, и желательно, подальше и по-

быстрее, но совершенно по иной причине – фирма была на грани банкротства.

Нет, дела Жанна Абрамовна проворачивала умело, но в основном – в свою пользу. Счёт в зарубежном банке вырос, как на дрожжах. Пора было ставить эффективную точку и делать ноги. Провернув заключительные аккордные сделки с кредитами, которые тоже перекочевали на её счёт, она собиралась сделать последнее: заключить фиктивный брак, переоформить фирму на липового мужа, тихонько слинять, а все долги и разборки с клиентами и банками, навесить на него.

Встреча договаривающихся сторон состоялась.

Жанна Абрамовна, обладавшая внешностью персонажа из «12 стульев» – мадам Грицацуевой: этакий шар на коротеньких, кривоватых ножках, с картофелевидным носом, арбузными грудями и редископодобной родинкой на верхней губе, – была, как и она, вопреки своей фигуре – подвижна, активна и напориста.

Восторгов у приятелей её внешность не вызвала, зато предложения сделанные ею, подняли тонус энтузиазма на нужную высоту. Винни-Пух даже припомнил откуда-то выскочившую в его голове, поговорку: «Любовь – зла, полюбишь и козла!»

А Жанна Абрамовна быстро всё вычислила в процессе общения и сделала однозначный вывод:

«Тупы, как пробки; ленивы, как бегемоты; жадны до денег. То, что надо! Но так как её буквально зацепил Винни-Пух, – она сконцентрировала всё внимание на нём, меняя ход беседы и переходя с одной темы на

другую. В голове у неё мельком проскользнула мысль, сырая, неоформившаяся, но она отбросила её на «потом».

А Винни-Пух, просёкши фишку, решил углубить и закрепить своё намечающееся лидерство. Он старательно стал притоптывать левой ногой и шаркать ею по полу – на кону стоял ценный приз.

Жанна Абрамовна, обратив внимание на его странные телодвижения, засомневалась было. «А вдруг он больной? Псих?» – подумала она и спросила в лоб – чего это с ним просходит.

Застигнутый врасплох, Винни-Пух стушевался, густо покраснел и ляпнул первое, что пришло в голову: «Камешек, видно, в кроссовок попал!»

Жанна Абрамовна так умилилась его смущением, что ей нестерпимо захотелось прижать его к своей необъятной груди и матерински погладить по головке. Сердце у неё ёкнуло, в голове опять пронеслась та, неоформившаяся мысль, и она решила взять тайм – аут, завершив аудиенцию. На прощание она сказала, не поднимаясь из-за стола: «Виталий, вы мне подходите. Пока занимайтесь своими делами. Формальности я беру на себя. О дате и времени регистрации вам сообщит Вера. Всего хорошего!»

По дороге домой, Винни-Пух изливал потоки восторга: «Прокатило, Гога! Ты видел, как она на меня смотрела? Запала тётя! У меня ещё ни одна с крючка не срывалась! Ты не хипишуй – быть тебе моим замом!»

Доцент не возражал, и уже с полагающимся по чину подобострашием, внимал своему будущему шефу. А Винни продолжал в том же духе: «Не, Гога, я ей, точняк, баки забил! Она ж туповатая баба! Бухгалтерша и есть бухгалтерша – всю жизнь за счётами сидит и нормального парня не видит! А тут – я! И пусть ей под полтинник – мне же с ней не жить, а жениться по-настоящему я пока не собираюсь! Вот соберусь – можно будет и о разводе подумать, а к тому времени и в фирме прочно засядем – хрен нас выкуришь!»

Доцент поддакивал, согласно кивая и восторгаясь «талантами» Винни-Пууха. А тот, вспомнив о чём-то, сказал непонятную для Доцента фразу:

«А талисман не подвёл, хотя я и сомневался малёха!»

«Какой ещё «талисман»? – поинтересовался Доцент.

И Винни-Пуух рассказал о календарном листке.

«Ну, ты и голова, Виталя!» – восхитился Доцент. – «С такой головой – только и рулить фирмой!»

И, окрылённые успехом, приятели направили свои стопы в ближайшую распивочную – обмыть удачу.

... Жанна Абрамовна впала в тоску: прекрасно разработанная операция, рушилась, как карточный домик... Она вдруг осознала, что сразу, с первого взгляда, влюбилась в этого красавчика Виталя. Напрочь. Намертво. Все её планы летели коту под хвост. Надо было что-то решать...

Она практически не спала всю ночь. Никогда в жизни не любившая и никем не любимая, она всегда скептически относилась к разным любовным истори-

ям с кипящими страстями. Не верила в них, иронизировала, и вот такое на её голову... Единственный её брак, и тот был по расчёту – деньги Лёвушкиного папы женились на деньгах её папы. Какая тут любовь! Сплошной бизнес! Лёвушка давно на исторической родине, воркует с молоденькой шлюшкой. А Жанна долгих 15 лет после его бегства создавала собственное материальное благополучие, без мужского плеча, любви, ласки и даже внимания. Всё было отложено на «потом». «При моих-то деньгах», – думала порой истосковавшаяся женщина, – «любого куплю! И не одного!»

Но случилось то, чего не в состоянии предсказать ни одна гадалка.

«Что же делать?» – ломала голову Жанна Абрамовна, – «Мне никого не надо кроме него! И ради этого мальчика я готова на всё!»

Она видела, что представлял из себя Виталя, но считала, что это даже к лучшему. И тут она вспомнила, что за мысль мелькала в её голове во время встречи. Это была поговорка: «Любовь – зла, полюбишь и козла!»

«Какой свалился – такого и полюбила!» – вздохнула Жанна Абрамовна – «Хорошо, что глуп. Моего ума – предостаточно. И денежками привяжу, буду держать на коротком поводке! Никуда не денется, будет жить со мной, как миленький! И мне не хрен в бега ударяться и искать приключений на свою ж!.. Вот оно всё – рядышком! Бери и пользуйся!»

Она приняла решение. А уж если Жанна Абрамовна что-то решала, то решала она всё окончательно и

бесповоротно, бросая весь свой напор и энергию на выполнение задуманного и пёрла напролом к цели – танк бы позавидовал!

«Теперь – по бизнесу». – подводила она итоги своего ночного бдения – «Финансовый баланс – урегулирую. С кредитами – разберусь. Счёт, конечно, придётся попотрошить, но без масла на хлеб не останусь. В конце концов» – вздохнула она – «за всё нужно платить. А мальчик стоит того! И брать его нужно срочно, тёпленьким! Мой будет! Законный муж!»

Участь Витали была предрешена. «Талисман удачи» сыграл свою роль. Вот только какую и для кого?...

КОМСОМОЛЬЦЫ – БЕСПОКОЙНЫЕ СЕРДЦА...

(слова из песни)

Ульяна Апполоновна, старшая пионервожатая городского образцово-показательного пионерлагеря «Орлята Ильича», негодовала. Причин было две: жених Пётр, свежее испечённый лейтенант милиции, который уже вторые сутки не давал о себе знать, мотаясь по службе, (а завтра – свадьба!); и две инструкторши горкома комсомола, присланных на должности вожатых, которых Ульяна Апполоновна знала как облупленных, так как сама работала пропагандистом в горкоме.

Светка и Галька были ещё те оторвы! Нашёл 3-й секретарь кого послать в образцово-показательный! Хотя самой Ульяне Апполоновне стукнуло всего-то 20

лет, и ничего, присущее молодёжи, ей было не чуждо, – но она была на виду! А поэтому блюла и себя и порядок: активно дежурила в народной дружине и оперативном комсомольском отряде, азартно вылавливая пьяненьких подростков на танцплощадке и в кустах горпарка; читала лекции о морали и поведении в учебных заведениях и на предприятиях города, а уж с парнями – ни-ни – железное табу! А тут эта парочка на её голову свалилась!

Обе инструкторши отрывались по полной программе, которая легко читалась по их лицам на утренней линейке. Их визави – плаврук и физрук, спортсмены-разрядники школы олимпийского резерва, тоже как умом повернулись и выглядели не лучше. А какие парни были до приезда инструкторш!

Ульяна Апполоновна тяжело вздохнула – за моральный облик подопечных несла ответственность она. Приходилось бдить в оба. Но все её попытки отследить злостных нарушителей морального кодекса ни к чему не привели: четвёрка искусно шифровалась и сматывалась после отбоя на ночной «инструктаж», в только ей известные нычки. Но сегодня Ульяна Апполоновна собиралась нанести решительный удар: выследить и накрыть всех на месте «инструктажа» с последующими оргвыводами.

Лучше бы она этого не делала!

Все знали, что вечером её должен забрать жених и увезти в город, так как назавтра предстояло тоже ответственное бракосочетание. А пока Петра ещё не было, Ульяна Апполоновна решила воспользоваться ситуацией и устроила засаду на полпути между дыркой в

заборе (которой, кстати, Пётр регулярно пользовался из-за близости автобусной остановки) и корпусами лагеря. Сидя в кустах, она гордилась своей тактической находкой: и жених мимо не пройдёт, и четвёрка накроется медным тазом!

Шёл одиннадцатый час вечера. Темнота сгущалась – хоть глаз выколи, и Ульяна Апполоновна стала тихо впадать в уныние: подвижек ни с какой из сторон не наблюдалось, а нужно в город, тем более что последний автобус через час уйдёт! А от дыры до остановки ещё минут пятнадцать по кустам! Да в темноте! Она уже хотела на всё махнуть рукой, но тут в стороне забора послышались неясные голоса. Ульяна Апполоновна выскочила фурией на поляну и застыла от растерянности: упирающихся Гальку со Светкой тащили к дыре двое совершенно незнакомых парней! «Наверное местные!» – решила она и, памятуя о своей боевой деятельности в дружине, приступила к решительным действиям.

С криком: «Стоять! Милиция!» Ульяна Апполоновна ринулась вперёд. Парни от растерянности выпустили девчат и те кинулись к спасительнице.

«Бегом в корпус и звоните в милицию! А этих я задержу!» Она оттолкнула в кусты подружек и с диким воплем: «Соппротивление бесполезно!» – налетела на парней.

Парни были в таком состоянии алкогольной невосомости, что, не разобравшись со страху, кто их вяжет, за что и почему, с рёвом недорезанного поросёнка ломанулись в дыру. Первый проскочил удачно, а вот второго сцапала прямо в дыре Ульяна Апполонов-

на. Парень визжал от ужаса перед происходящим: с одной стороны его тащила Апполоновна вопя: «Лезь назад! Убью гада!», с другой – с матерками тащил напарник.

В неравной схватке с превосходящим по силам противником победила Апполоновна. С утробным рыком: «Я тебе убегу, падла!», она рванула парня так, что тот пробкой вылетел из дыры и впечатался головой прямо в нос Ульяне! Той небо показалось с овчинку, искры посыпались из глаз и, плюхнувшись на пятую точку, она взревела от дикой боли.

Парней как ветром сдуло. А на помощь Ульяне Апполоновне уже ломились сквозь кусты, поднятые с постелей криком инструкторш: «Нашу Улю бьют!!!», полуголые плаврук и физрук. «Где эти гады? Держись, Апполоновна! Щас мы их сделаем на раз!» Та лишь махнула в сторону дыры и защитники рванули в погоню.

А в это время со стороны автобусной остоновки к дыре подбегали запыхавшийся жених Петя со своим другом и стажёром-напарником Вовой. С криком: «Вот эти гады! Вяжем их, Колян!» – на опешивших парней навалились из кустов двое полуголых громил и – началось...

Драка шла не на живот, а на смерть. На крики: «Мы из милиции!» реакция была одна: «Мы сами милиция!» Плаврук и физрук, оба разрядники (Бог ни ростом, ни весом, ни силушкой не обидел), навалились на оперативников. Но те тоже не лыком шиты – рукопашкой владели хорошо и, хоть комплекцией были похлипче двух Кинг-Конгов, приёмчики свою роль

сыграли – перевес пошёл в их пользу. Вова завалил плаврука Гришу, но скрутить не мог: с собой не было даже элементарных наручников! Ведь шли к Петькиной невесте по – гражданке, да и только что с операции, – всё в отделе осталось!

Петьке приходилось хуже. Физрук Коля схватил какой-то дрын и пошёл в атаку. Вывернувшийся из-под Вовы, плаврук вздыбился как раненный медведь и тоже ломанул подвернувшийся крепкий сук. Жених, увидев, что дело запахло керосином, заорал: «Вова, рвём! Убьют дураки!» И начались гонки по пересечённой местности...

Петя с Вовой мчались к проходной лагеря – к телефону и нормальным людям. Гриша с Колей, в справедливом гневе, пытались настичь, как они считали, обидчиков Ульяны Апполоновны, чтобы жестоко покарать их, торжественно сдать доблестной милиции.

Всё взрослое (да и не только взрослое) население лагеря уже стояло на ушах, а дежурный УВД поставил на уши, после звонка из лагеря, ближайший наряд ППС, который в это время культурно расслаблялся на берегу местного озера: с костерком, водочкой, дамами и ночным купанием, радуясь, что патрулировать нынче выпало вдали от города, начальства и лишних глаз, в благодатной обстановке.

Выслушав по радиации приказ дежурного, старший наряда лейтенант Пантюшкин скомандовал: «Все в машину! В пионерлагере бандитское нападение!»

Разгорячённая и воодушевлённая спиртосодержащими продуктами компания в составе четырёх патрульных и стольких же дам, с яростными матерками

недовольства в адрес начальства и бандитов, поломавших к чертям собачьим всю культурную программу, набилась в патрульный «УАЗик» кто в чём был после купания. Одеваться было некогда и машина, взревев, устремилась вперёд. Не доезжая метров 200 до лагеря, влетели в какой-то ухаб, и машина заглохла. «Бегом, парни! – заорал лейтенант, вываливаясь из машины – «Вон они! Давай быстрее! Уйдут сволочи!» Патруль, в трусах и с дубинками в руках, бросился вперёд. Дамы не отставали от своих героических кавалеров. Азарт задержания бандитов захватил всех.

Директор лагеря, ожидавший на проходной вместе с завхозом и сторожем приезда милиции, очумел: с одной стороны, – к проходной из кустов вывалилось четверо, двое из которых были в одних трусах и с дубинами; с другой стороны – на них набегала толпа мужиков и женщин в пляжном виде с палками в руках. При критическом сближении, под рёв мужиков и визг женщин, началась вторая бородинская битва

Испуганный насмерть директор заорал сторожу: «Иваныч! Звони опять в милицию! Здесь целая банда! Не слазь с телефона!» – а сам, схватив двустволку сторожа, заряженную в целях безопасности солью, вместе с завхозом, вооружённым граблями, ринулся на дерущихся с диким криком: «Ложись! Всех перестреляю!!!»

Первым среагировал на появление новых действующих лиц лейтенант Пантюшкин, так как «принял на грудь» чуть меньше подчинённых и ещё что-то соображал: «Ребята, держись! У этих гадов оружие!» –

закричал он и, со словами: «Против лома нет приёма!» – бросился на директора, размахивая дубинкой.

Директор, увидев несущееся на него всё изгвазданное в грязи чудовище в трусах, закрыл от ужаса глаза и нажал на оба курка сразу...

Соль, выпущенная дулетом из двух стволов, мигая лейтенанта Пантюшкина, полетела в занятую делом толпу, откуда отреагировали жутким воем и зверским матом на свершившееся действие.

Директор, получив по голове дубинкой, рухнул, а на него сверху упал бедолага лейтенант, сражённый граблями завхоза, которого тут же смяла налетевшая куча-мала...

В это время перед воротами лагеря финишировал микроавтобус, и из него посыпались ОМОНовцы, которые, на беду присутствующих, были озлоблены и взвинчены до точки кипения из-за того, что их сорвали с места в самый неподходящий и ответственный момент, – трансляции телепрограммы финального матча их родной команды по боксу, которая к тому же безнадежно проигрывала...

Задержание проводили жёстко. В плен брали всех, но транспортировали уже в выключенном состоянии... Когда они уехали, на пяточок перед воротами вылез из будки вдрызг перепуганный и не менее вдрызг поддавший сторож, скрывавшийся от разошедшегося ОМОНа, ревушие Галка и Светка и прочее, трясущееся от пережитого, взрослое население лагеря. По центральной аллее, к ним еле ковыляла всхлипывающая Ульяна Апполоновна, причитая на ходу: «Пети нет, а завтра свадьба... Нога разбита... Морду вывихнула...»

На следующий день, в городском ЗАГСе проводилось торжественное бракосочетание, которое регистратор запомнила на всю жизнь...

В зал, под марш Мендельсона, ввели под руки жениха и невесту, которые к тому же были в огромных, закрывающих поллица солнцезащитных очках. Поддерживаемая с двух сторон свидетелями, хромящая пара подошла к столу регистрации. У регистратора отвисла челюсть: «Как же они распишутся-то, слепые?» – только и смогла промямлить она. «Распишутся!» – бодро гаркнул свидетель жениха, – «Начинайте!»

Перепрыгивая с пятого на десятое, путаясь от волнения и жалости к этой молодой паре инвалидов, регистратор всё же довела церемонию до логического завершения и тут она вообще лишилась дара речи, когда жених, сняв очки, стал расписываться, а затем то же самое проделала и невеста...

«Господи! И это накануне свадьбы!» – билось в голове у бедной служащей, которая не сводила глаз с пытающихся улабаться, разбитых вдребезги и пополам физиономий счастливых молодожёнов. «Каких там долгих лет семейного счастья! Они же через неделю поубивают друг друга!»

А сияющих от счастья молодых усадили в ожидавшую машину «Скорой помощи», чтобы завершившийся брачный ритуал продолжить медовым месяцем: для Пети – в отделении травматологии, для Ульяны-свет-Апполоновны – дома, на больничном...

ДВА САПОГА – ПАРА

Предновогодняя неделя шла в обычном режиме: беготня по магазинам, повсеместная толкотня и суета, черед корпоративов в учреждениях, фирмах, столярках и слесарках... В общем всё, как обычно.

К остановке маршрутки подошла яркая, молодая женщина. Выше среднего роста, с точёной фигуркой и выразительным макияжем на лице, с гривой огненных волос, водопадом струящихся на плечи – она производила впечатление. Всеобщее внимание сразу же было приковано к ней. Особый интерес вызвала её одежда. На ней был приталенный полушубок из белой норки и

миниатюрная шапочка из той же норки, очень гармонирующая с её огненной причёской. Подол явно дорогого вечернего платья с глубоким боковым разрезом, давал возможность оценить красоту её стройных ног. Но вот сами ноги... Нет, ноги были вне критики, но вот то, что было на них, вызывало по меньшей мере недоумение: на левой ноге был надет шикарный ботфорт светло-серого цвета, отороченный мехом и украшенный небольшими стразами, явно не наш по происхождению, а правая стройная ножка, скромно уютилась в мохнатом комнатном тапке с помпоном в виде головки льва...

По отсутствию гипса и трости, да и по самой походке и поведению дамы, вывод о больной ноге отпал сам собой. Присутствующие, с нескрываемым интересом, продолжали рассматривать её. Дама же держалась гордо и независимо, не подавая вида, что стоять на лёгком морозце в тапке не совсем комфортно. Тут у неё зазвонил телефон и народ приоткрыл, прислушиваясь к разговору загадочной незнакомки.

«Никуда не пропала», – ответила дама собеседнику, – «Сейчас заскочу домой, переобуюсь и буду на месте».

«Ну, что я дура что ли, идти с этим козлом без подготовленных бумаг?» – продолжила она, – «Всё подписал, конечно! И акт, и распоряжение, и поручительство! Теперь дело за тобой!»

«Да от него еду! Откуда ещё!»

Тут подошла маршрутка и дама, не прерывая разговор, уселась рядом с водителем. Посадка и даль-

нейшая поездка проходили в полной тишине – народ с интересом прислушивался и внимал.

«Зачем переобуваться? – переспросила дама, – «Да тут, Людка, такое было...»

Она захихикала и продолжила. Пассажиры, затаив дыхание, слушали.

«Короче, свалили с вечеринки к нему. Его жена к больной матери уехала с ночёвой. Я Славке своему тоже такую же отмазку устроила. Позвонила, мол так и так, с мамой плохо, еду к ней с ночевой».

«Естественно! Сначала подписал все бумаги! А печать он с собой таскает! Не доверяет никому! Во, жлоб, прикинь! Весь «левак» – только через него!»

«Да ладно тебе! Нашла о чём спрашивать!» – дама опять захихикала, – «Шевелится ещё!»

«Что дальше? Дальше было утро и кофе с коньяком в постель. А потом... В общем, я уже почти собралась. Сажу на пуфике в прихожей, обуваюсь, он рядом лебезит... Тут входная дверь открывается, вваливается бабища гвардейского роста, замирает при виде нас, а потом выхватывает у меня ботфорт и мужику по башке! Тот – бежать, она – за ним! Ну, я от греха подальше и вылетела пулей оттуда!»

«Да не босиком! Ты дура что ли? В одном ботфорте и её тапке!»

Послушав собеседницу, ответила: «Отмажусь. Скажу: по дороге каблук полетел, заехала к сапожнику, оставила у него, а тот тапок дал по доброте душевной, до дома добраться!»

Выслушала ответ, слегка нахмурилась: «Естественно, дорогие! Италия! Ничего, позвоню этому

«хранителю печати», пусть, как хочет, возвращает или возмещает по полной! Ну, пока! Выхожу! Жди!»

Дама убрала телефон в сумочку и вышла из маршрутки. Пассажиры, с чувством не до конца удовлетворённого любопытства, проводили её взглядами....

...Вероника (так звали даму в тапке), владелица фирмы по реализации земельных участков под застройку иностранным инвесторам, действовала, как всегда, в своём стремительно-атакующем стиле.

С шумом ворвавшись домой, она с порога стала кричать на чём свет стоит коммунальные службы города:

«Чтобы они себе все каблуки и ноги, впридачу, переломали!» – возмущалась она, чмокнув в щёку оторопевшего мужа и сбрасывая с ног разномастную обувь. – «Не город, а ледяная арена какая-то! Хорошо ещё, что кости целы!»

«Да что случилось, Ника?» – вклинился в яростный монолог муж.

«А что, не видишь?» – вомутилась жена, – «Бежала по этому катку к такси. Хлоп – каблук полетел с половиной подметки! Хорошо – сама цела! Ни перелома, ни растяжений!»

«А где сапог-то?» – озадаченно спросил муж.

«Да таксист посоветовал сапожнику сдать. Заскочили по дороге, а тот, добрая душа, тапком вот снабдил. Ладно, некогда мне рассусоливать, и так уже директора фирмы потеряли, наверное!»

«Звонила уже твоя Люда. Я ей сказал, что у матери городского телефона нет, а мобильные ваши не отвечают. Что случилось-то?»

«Да тут всё в куче, Слава! У меня ещё с вечера батарея села, а мамин телефон выключили, как «скорая» уехала. Приступ же у неё был! Полежать ей надо было в тишине. Кстати, принеси-ка мне зарядку для мобильного».

Ника скромно умолчала, что все вопросы по прикрытию она обговорила с мамой накануне и та отключила свой телефон.

Быстро переобувшись и бросив зарядное устройство в сумочку, Ника чмокнула Славика, а на вопрос: «А завтрак?», ответила на ходу: «У мамы перекусила!» и выскочила из квартиры.

Первый раунд остался за ней. Предстоял второй, более сложный – возвращение блудного ботфорта...

Войдя в офис, она быстро прошла в свой кабинет, на ходу здороваясь с сотрудниками и коротко сказала секретарше: «Ира, пригласи Людмилу Павловну!»

Не успела расположиться за столом, как в кабинет влетела её зам. – Людочка, которая с ходу запричитала.

Ника оборвала её прямым, как выстрел, вопросом: «Ты зачем мне домой звонила, дура набитая?! Не знала, что ли, куда и с кем я поехала?!»

«Ну, извини, Ника!» – залепетала Людочка, – «беспокоилась же! Времени вон сколько, а у тебя телефон молчит! Но я же остороженько, с намёком на твою маму!»

«Ладно, кикимора ты этакая! Проехали! А сейчас некогда распотякиваться, держи документы и куй железо пока горячо! Чтобы сегодня с заказчиком все дела утрясла и к вечеру договор мне на стол!»

«Всё сделаем, Ник! Слушай, а про ботфорт звонила этому?»

«Люд, ты тормозишь что ли? Какой звонок? Там сейчас вторая бородинская битва в разгаре, как раз звонка от меня и не хватает! Иди, работай, вечером поговорим!»

Ника занялась текучкой, прикинув, что звонить Николаю Николаевичу раньше второй половины дня смысла нет...

...Бомж Кеша, с похмельной тоскою в глазах, брёл по двору. Поправить здоровье было нечем и, как минимум, до вечера – не предвиделось. Тут его что-то шандарахнуло сверху по голове. Кеша дёрнулся от испуга, поскользнулся и упал.

«Хана... Вот она, смертушка и подкараулила... Не иначе, кирпич прилетел...» – подумал Кеша, но, не ощутив особых перемен в своём организме, приоткрыл один глаз. Затем широко распахнул оба и вскопчил на ноги. Осторожно поднял предмет, долбанувший его по голове и стал с интересом рассматривать. Шикарный, абсолютно новёхонький ботфорт из мягкой кожи светло-серого цвета, отороченный мехом и отделанный вкраплёнными стразами, пробудил в его пострадавшей голове лишь один вопрос: «И чё теперь с ним делать?»

Кеша посмотрел вверх на окна квартир, подождал. Второй ботфорт не прилетел. Тогда он запихал неожиданную добычу в пакет и отправился дальше, к конечной цели своего путешествия – приятелю Витьку, обитавшему на другом конце города. Витёк раскрутился с полоборота.

«Погнали», – заявил он Кеше. – «Тут у меня есть сапожник знакомый – Лёха, ему и толкнём твой сапог!»

Вскоре они уже выходили из Лёхиной будки, имея в кармане на вожделенный пузырь водяры, и двинулись к ближайшей распивочной. А по дороге Кеша всё поглядывал вверх в надежде на второе пришествие ботфорта...

...Николай Николаевич, с залепленным пластырем лбом и затонированным синяком, вынужденно проводил запланированное совещание. Ему было не совсем удобно перед сотрудниками, хотя он извинился за опоздание, сославшись на то, что из-за гололёда нечаянно пострадал и ему пришлось заезжать в травмпункт. Шефу посочувствовали, поругали дружно коммунальщиков и приступили к обсуждению «горящих» вопросов. Звонок по прямому телефону прервал совещание. Выслушав собеседника, Николай Николаевич ответил:

«Да всё утряслось с нашим проектом, конфликт исчерпан, ситуация разрулилась!»

Немного послушав, замотал отрицательно головой:

«Никак не получится Виктор Степаныч! Ну, никак! Да, сейчас провожу совещание».

Послушал, вздохнул и продолжил:

«Да потому что Елена Сергеевна моя, как увидела вашу книгу – возмутилась, не дала мне слова сказать и вышвырнула её в окно!»

«Искал, Виктор Степаныч! Да куда там... Кто-то прихватил по пути. Книга-то в хорошем переплёте, да с какими иллюстрациями! Кто ж такое оставит лежать на земле брошенным? Конечно, постараюсь купить такую же. В крайнем случае, компенсирую стоимость».

«Само собой! Моральные издержки – отдельной платой! Насчёт размера компенсации понял! Уложусь в него обязательно!»

«Успею ли до 31-го? Завтра лично займусь. Сразу же и позвоню!»

Николай Николаевич с видимым облегчением опустил трубку и, чуть смущаясь, как бы в оправдание, сказал присутствующим, которые, не подавая вида, внимательно прислушивались к телефонному разговору:

«Приятель случайно забыл книгу – уникальное индийское издание... Эта, как её «Кама...»... Ну, в общем, про это самое... С иллюстрациями... А жена увидела, полистала её и – в форточку! Это говорит, не научный трактат, а порнография и позор! И смех, и грех!»

Присутствующие понимающе заулыбались и закивали в поддержку – мол, действительно, смешно, ведь

все люди уже взрослые! И совещание покатилося дальше, приобретя уже привкус некой игривости...

...Вероника поняла, что дело – швах.

«Конечно, Ник-Ник деньги выложит, никуда не денется», – думала она, – «Но обидно: ботфорты были уникальными. Второй раз в Италию за такими специально не полетишь! А со вторым что делать? В сервант что ли выставить?»

Она нервно закурила. Посидела, чуть успокоилась, сняла трубку и набрала домашний номер. Слушая гудки вызова, утверждала себя в правильности решения:

«Всё правильно. Всё старое остаётся в старом году. В новый год будем вступать в новом!»

Наконец муж ей ответил.

«Слава», – спросила Ника, – «ты скоро выходишь?»

Выслушала ответ и продолжила:

«Ты захвати с собой мой сапог с тапком вместе и выкинь в мусорку по дороге».

«Да нет, сапожник звонил. Сказал, что так как было, не сделаешь. Будут видны следы работы и причём заметно. А на фига мне, руководителю солидной фирмы, в ботфорте-инвалиде ходить? Куплю новые! В новый год – в новом! Усёк?»

«Да зачем продавать сапожнику!» – с досадой сказала она, – «Брось ерундой заниматься! Бензина больше спалишь, чем на этом сапоге заработаешь, пока до него ездить будешь! Выбрось – и всё!»

«Какой ещё «лев»? Ах, на тапке лев! Ну, оторви, если он тебе нужен! Что? Подвеску на лобовое стекло в машине? Ну, сделай! А сапожнику ботфорта хватит взамен за глаза! Всё, Слава. У меня сейчас сложный вопрос решаться будет. Пока. Целую!»

Вероника опустила трубку и расслабилась. Как на работе, так и в семье, пока ещё она была рулевой...

...Славик выступал с силовыми номерами в баре «Для дам», где его в своё время подняла, а потом и женила на себе Вероника. Он был гораздо младше её, но Ника смотрелась шикарно, зарабатывала неплохие деньги и он был за ней, как за каменной стеной: ни в чём не нуждаясь и ни чем особо не утруждая себя. Она купила ему машину, придела, а весь его заработок оставался у него на карманные расходы. Два неперемённых условия были краеугольными камнями их совместной жизни: первое – никогда и никуда не совать свой нос и во всём слушаться жену; второе Ника озвучила как бы в шутку, но с таким подтекстом... С улыбочкой и хитрецей во взгляде она сказала на заре их отношений:

«Ты, конечно, мальчик заметный, а тут дамочки пошалить не против. Шали. Но если узнаю, а не дай Бог, заразу какую принесёшь – вышвырну не только из дома. В городе места себе не найдёшь! Ты мои возможности знаешь!»

На том и порешили. Славик, конечно, позволял себе изредка пошалить, но действовал всегда очень осторожно и аккуратно.

Сегодня у него был репетиционный день. Времени до репетиции ещё хватало и он занялся тапком. Высунув от усердия язык и посапывая, он аккуратно отпорол от тапка головку льва, с чёрными агатовыми пуговичками-глазами, так же аккуратно заштопал место отреза и пришил петельку для шнурка. Полюбовался на дело рук своих – подвеска была готова. Затем оделся, прихватил ботфорт и покалеченный тапок и вышел из дома. По дороге к машине, он свернул к мусорным контейнерам и выбросил туда свою ношу, подумав при этом осуждающе:

«Швырнется такими вещами! Никаких денег не хватит!»

Правда, вслух он такое сказать бы не посмел, но для порядка, про себя, поворчал. Сев в машину, прицепил шнурок с головкой льва к креплению зеркала заднего вида и подумал с улыбкой:

«Будет моим талисманом удачи! Завтра после выступления и проверим!»

Накануне, после выступления, к нему в гримёрку заскочил Вадик и растягивая слова сказал, что им «...о-очень заинтересовалась одна, о-очень небедная особа!»

«Ну, что ж, будем ждать продолжения!» – плотоядно облизнулся Славик и выехал со двора...

... Кеша с Витьком, опустошив пузырьёк с «живительной» влагой, совершали плановый обход подконтрольных Витьку мусорных точек. Сунувшись в очередную контейнер, Кеша решил, что его прихватила

«белочка» – в руках он держал проданный недавно Лёхе-сапожнику ботфорт...

«Витёк!» – тихо позвал он, – «Глянь, что это?»

«Во, блин! Опять сапог! Ты, Кеха спецом по обуви никак заделался!»

Рассмотрев находку, Витёк глубокомысленно изрёк: «Слышь, он на тот вроде смахивает! А вообще, какое нам до этого дело? Пошли к Лёхе!»

Не мудрствуя лукаво, приятели ввалились в сапожную будку и, получив «тарифную ставку», решили после продолжения «банкета» более тщательно исследовать содержимое контейнеров на предмет нахождения в них женской импортной обуви...

... Лёха только собрался швырнуть ботфорт в общую кучу старой обуви в углу, как его будто по голове стукнуло. Он вскочил, бросился к куче и извлёк из неё брата-близнеца только что принесённого ботфорта. Утром ему некогда было детально рассмотреть приобретённое – заканчивал срочную работу. Зато сейчас он внимательно рассмотрел оба ботфорта. Перед ним была явная пара! И какая пара! Каким образом она оказалась у бомжей, да ещё с их слов, из разных точек города – он уже знал. Но никак не мог понять, как такое вообще могло произойти!

«Может, грохнули кого и расчленили?» – стукнула его мысль, – «Да нет, следов крови не видно. Вообще никаких следов! Всё целое и чистое!»

Лёха бросил ломать голову над этой загадкой и стал размышлять о другой проблеме: «У Саньки моей

39-й, а эти, судя по клейму, 37-й... Но попробовать можно, не всегда размер соответствует указанному».

Он провёл более тщательный осмотр.

«Так. Почти новые», – сделал он заключение, – «Без видимых изъянов. Надевали раза три-четыре, не более. Будем делать совсем новыми!»

Лёха потёр руки в предвкушении будущих предпочтений от жены и с азартом взялся за работу. Через полчаса ботфорты сияли так, будто они только что шагнули за порог фабричных ворот.

По дороге домой Лёха заскочил в обувной магазин, где его знали как хорошего специалиста и частенько пользовались его услугами по кое-какой реставрации повреждённой при транспортировке новой обуви. Отыскали подходящую коробку, упаковали ботфорты и довольный Лёха, на крыльях любви и ботфорт, помчался делать сюрприз своей молодой жене.

... После очередной безуспешной попытки вбить в чудо итальянской лёгкой промышленности свои ноги, кругленькая как колобок, Санечка чуть не разревелась от досады.

«Лёш, а может «разноску» залить и колодки вбить?» – спросила она всхлипывая.

«Нет, Санечка, не выйдет: работа очень уж тонкая, кожа может потрескаться». – с тоской в голосе ответил не менее огорчённый Лёха. Запланированный им праздник накрывался на глазах медным тазом...

«Тогда – продам!» – решительно рубанула Санечка, – «Завтра же, слёту заберут на работе!»

На том порешили и успокоились.

... На следующий день, с утра, в приёмной Николая Николаевича, возле стола его секретарши Александры, царило необычайное оживление. Женщины то забегали по-одиночке, то являлись целыми делегациями. Шла примерка и приценка итальянских красавцев. Пока дело оставалось на мёртвой точке: одним не подходил размер, других отпугивала назначенная Сашечкой цена.

В разгар очередного, буйного обсуждения из кабинета выглянул, привлечённый странным шумом Николай Николаевич. При виде начальника, табунок женщин мигом испарился.

«Что там у тебя, Саша? – спросил шеф, – «Чего это наши дамы тебя оседлали?»

«Да понимаете, Николай Николаевич», – смущённо залепетала Саша. – «Муж купил по случаю ботфорты, а они оказались малы. Вот и решила нашим предложить...»

Услышав слово «ботфорты», шеф сделал стойку.

«Ну-ка, покажи, Сашенька», – попросил он. – «может, моей Елене Сергеевне подойдут».

«Вы извините, Николай Николаевич, но навряд ли: размер, к сожалению, маленький.»

«Какой?»

«Тридцать седьмой. Мне и то малы оказались, а Елене Сергеевне...»

«Показывай». – прервал шеф. Услышав про размер, он чуть не подпрыгнул на месте – то, что надо! Оставалось взглянуть на сами ботфорты и принять

окончательное решение: брать эти или ехать искать для Ники новые.

«Вот, Николай Николаевич, смотрите». – протянула Саша коробку. – «Но я вас предупреждаю – малы они будут Елене Сергеевне!»

Николай Николаевич сразу отметил и светло-серый цвет, и меховую опушку, и блестящие стразики.

«Забираю, Саша! Сколько с меня?»

Санечка, скромно потупясь, назвала цифру. Шеф крикнул, затем решительно махнул рукой:

«Упаковывай!»

Вскоре он, окрылённый неожиданным подарком судьбы, звонил Нике и условился о вечернем свидании на квартире его знакомого, где обещал преподнести ей сюрприз. Заодно позвонил и домой, сказав жене, что требуется его срочное присутствие на отдалённом объекте, в городке Н. и ночевать ему, скорее всего, придётся там.

А Санечка ещё долго недоумевала и размышляла над тем, как жена шефа со своим 42-м размером, будет втискиваться в 37-й...?

... Ника связалась с мужем:

«Славик, сегодня буду очень поздно. У нас итальянцы. Хорошая сделка намечается, правильно понял. Потом, сам знаешь... Я бы смылась, но заинтриговали презентом. Так что не жди, ложись спать без меня. Тем более, у тебя сегодня вечер рабочий, вернёшься сам не раньше 12-ти, усталый... Так что, отдохай и не беспокойся!»

...Славик весело потёр руки:

«Раньше 3-х – 4-х утра не появится! Или вообще под утро привезут! Всё в масть!»

Он собирался плодотворно использовать свободное от жены время, для более тесного знакомства с проявившей к нему интерес дамой. Вчера вечером ему звонил Вадик и сказал, что «...особа о-очень сожалеет, что у него сегодня нет выступления и надеется увидеть его завтра».

Славик твёрдо решил не разрушать женской надежды, тем более всё складывалось для него удачно...

... Довольная Санечка ублажала Лёху, то и дело подливая в его стопку за обильным и богатым ужином; смущённо похихикивая, когда он, облизываясь, как кот на сметану, начинал поглаживать её по пышной попке. Она находилась в блаженной эйфории после того, как Лёха раскололся, чего стоили ему ботфорты на самом деле. Время от времени она аж повизгивала от удовольствия, сравнивая стоимость двух бутылок водки и суммы, полученной за ботфорты от шефа...

... Приятели, Кеша с Витьком, в конце концов достигли нужной кондиции и свалились в обнимку под лестницей в подъезде, не дойдя двух шагов до дверей подвала – места проживания Витька...

... Ника подъехала к нужному дому в назначенное время, сразу решив, что на всю ночь оставаться не будет, а смоемся пораньше. Рандеву с Николаем Николаевичем её особо не прельщало, даже за новые ботфорты или их стоимость. Другое дело, когда вопрос касался прибыльной сделки и необходима была его виза! Тут на всё пойдёшь!

Её ожидала встреча по полной программе (знакомый Ник-Ника был в зарубежной командировке и квартира находилась в его полном распоряжении, без каких-либо ограничений и лимита времени). Вручение «сюрприза» Ник-Ник всячески откладывал на «потом», и Нике пришлось включиться в игру. Наконец, ближе к полуночи, настала очередь «сюрприза».

Он её поразил. Ботфорты были – один к одному как у неё и размер – тютелька в тютельку! Ещё раз выразив благодарность основательно подуставшему Николаевичу, Ника сказала:

«Извини, Коля, но я до утра остаться ну никак не могу! С утра важный договор подписывать будем, а он у меня дома лежит и ещё толком не доработан. Так что, давай до следующего раза, уже в будущем году!»

Николаич устало кивнул, даже радуясь в глубине души её решению:

«Чего уж там? Надо так надо. Главное, что ты довольна!»

«Я думаю, ты тоже не в накладе!» – игриво парировала Ника быстро одеваясь.

... Сев в машину, она включила в салоне свет и решила ещё раз взглянуть на обновку. И тут она обра-

тила внимание на отсутствие одного из пяти мелких стразов в орнаменте правого ботфорта. Ника более тщательно осмотрела ботфорт и ахнула от обнаруженного...

Этот страз она потеряла, зацепившись за дверной косяк подъезда. Тогда ещё лепесток орнамента надорвался. Стразик она так и не нашла, а лепесток Славик аккуратно подклеил клеем «Момент». Точно. Вот оно – место надрыва и склейки!

Вероника пришла в ярость:

«Меня же, да за мои же ботфорты!? Но как они к нему попали!?!»

Всё запуталась окончательно. Так и пребывая в состоянии ярости и непонимания, она рванула машину с места и понеслась домой...

... Славик украдкой поглядывал на часы. Близилась полночь. Пора было отправлять снявшую его сегодня даму домой и замести следы её пребывания. А пребывание мадам было бурным и мощным, как она сама...

... Сразу после отработки своего номера он был представлен Вадиком дородной, ростом под стать ему самому, даме бальзаковского возраста, на личико ещё впрочем, ничего, симпатичную.

Ходить вокруг да около не стали – не подростки, и через полчаса общения Славик уже вёз её к себе.

По дороге она вдруг спросила, указывая на львиную головку, висящую на шнурке:

«Что это у тебя. Слава?»

«Мой талисман», – весело рассмеялся тот.

«Можно посмотреть поближе?»

«Пожалуйста!» – Славик сдёрнул шнурок с крепления зеркала и передал ей.

Внимательно осмотрев подвеску, она спросила:

«Откуда он у тебя?»

«Да это целая история. Жена на днях возвращалась от матери и сломала каблук по дороге. Сдала ботфорт сапожнику, а тот ей тапок дал – до дома добраться. Головка льва была на тапке в качестве помпона».

«А где он?» – поинтересовалась женщина.

«Кто, сапожник?»

«Да причём тут сапожник! Тапок где?»

«Да выкинул!» – удивился вопросу Славик. – «А зачем он нужен-то?»

«И вправду, зачем нужен старый, поношенный тапок?» – с какой-то горечью в голосе сказала дама. – «И кому он нужен?»

Елена Сергеевна (а это была именно она) замолчала, теребя в руках головку льва, с чёрными блестящими агатовыми пуговичками-глазами, которые она лично когда-то пришивала. И ей стало вдруг нестерпимо обидно: и за все похождения кобеля-мужа; и за его молоденьких и стройненьких любовниц; и за свой измочаленный и выброшенный на помойку, тапок; и, наконец, за самую себя.

Она ни разу в жизни не изменяла мужу и в бар «Для дам» пошла лишь для того, чтобы заглушить обиду. Но, коль свершилось, так пусть всё летит в тартарары! И она твёрдо решила отыгаться на этом красавчике за всё. Что она по приезду и сделала...

... Видя, что Слава слегка начинает нервничать, она и сама подумала, что пора и честь знать.

Не спеша оделась, подкрасилась, поправила причёску, взяла сумочку и вытащила из неё конверт. Движением руки осадила попытавшегося было что-то возразить, Славика.

«Гусары денег не берут!» – со смешком сказала Елена Сергеевна. – «Это – поощрительный приз за добросовестный труд! Годовой абонемент в мой фитнес-центр! Будешь качаться теперь у меня! Сочетаем, так сказать, приятное с полезным!»

Сидя в прихожей и натянув сапог, Елена Сергеевна произнесла непонятную для Славика фразу:

«А жаль тапок! Такой эксклюзив был! Не чета этим!»

И она презрительно посмотрела на свою левую ногу, в обычном шлёпанце.

«Тебе такси вызвать?» – спросил Славик, но ответа получить не успел. Входная дверь распахнулась и на пороге появилась Вероника...

Все трое остолбенели. Первой пришла в себя Ника. Глядя, как кобра перед броском, в затравленные глаза Славика, она прошипела:

«Я тебя предупреждала, сучонок, что если узнаю или поймаю с блядью, тебе кранты?»

«Это я-то, блядь!» – хотела возмутиться Елена Сергеевна, но не успела и рта раскрыть.

Ника рванулась вперёд, выхватила у неё из рук сапог и со всего маху треснула Славика по лбу. Славик

вышел из ступора, развернулся на 180 градусов и бросился наутёк.

«Стой, молокосос! Пришибу щенка!» – рванула за ним Ника, размахивая сапогом.

Елена Сергеевна, услышав какой-то треск, глухой удар и визг Славика, не помня себя вылетела на лестничную площадку и забыв про лифт, чуть ли не кубарем, скатилась по лестнице к выходу. Выскочив на улицу, она поспешила на проезжую часть ловить машину.

Усевшись в тормознувший «Жигуль», Елена Сергеевна, на вопрос водителя, что у неё с ногой, неожиданно для себя брякнула:

«От мамы шла. Каблук полетел. Оставила сапожнику. Тот тапок дал, до дому доехать!»

Частник недоумевал: «Какой сапожник в первом часу ночи?» Но больше вопросов не задавал и помчал Елену Сергеевну к уютному домашнему очагу...

... А Вероника, отходив тяжёлым сапогом и отматерив от души, пытавшегося что-то мычать, Славика, оставила его сидеть, забившимся в угол, и вышла на кухню. Открыв холодильник, достала бутылку водки, налила полстакана и, махом выпив, плюхнулась на стул и разревелась. Потом посмотрела на лежащий перед ней на столе сапог и, вместе с остатками своей ярости и обиды, взяла его и вышвырнула в форточку...

... Кеша проснулся оттого, что ему приспичило по малой нужде. Рядом похрапывал Витёк. Вначале Кеша

хотел сделать свои дела тут же, в подъезде, но подумал и решил не навлекать на голову Витька гнев жильцов. Поёживаясь, он вышел из подъезда и потрусил по морозцу к мусорным контейнерам. Глянув вверх, подивился на красоту ясного ночного неба и яркости звёзд на нём и не заметил, как в форточку на 9 этаже вылетел женский сапог и понёсся вниз к точке неминуемой встречи...

Круг замкнулся.

ФОТО НА ОБЛОЖКУ

Часть 1

«Спортсменка, комсомолка, красавица...»

Ещё на заре введения новых нормативов «ГТО» (военизированной-спортивный комплекс, обязательный для сдачи: на предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях), директор завода на общем собрании заявил: «Раз мы – оборонное предприятие, значит и здесь должны быть на высоком уровне! Задача спорткомитета – добиться сдачи норм «ГТО» работниками завода не формально, а с хорошими, реальными результатами! Возьму под личный контроль!»

Председатель спорткомитета, в традициях всех собраний, заверил, что они «повысят, улучшат, укрепят, достигнут» и так далее. Особый упор он сделал на усиление работы в этом направлении заводским комитетом комсомола.

Присутствующие: кто – равнодушно внимал; кто – поматеривался, по случаю перспективы – отстоять у станка рабочий день, а потом носиться с высунутым языком по заводскому стадиону. Но, всеобщим «за», директорскую инициативу поддержали и одобрили.

Спорткомитет рьяно взялся за претворение в жизнь решения общего собрания. Рабочие и служащие завода бегали, прыгали в длину и высоту, метали гранату, преодолевали полосу препятствий – в общем, работа кипела. Ну, а тех, кто пытался по какой-либо причине «откосить», быстренько возвращали «в строй» посредством вливаний по комсомольской и партийной линиям. И надо отдать должное: предприятие по сдаче норм «ГТО» и подготовке спортсменов-разрядников в различных спортивных секциях считалось лучшим в республике.

Активную деятельность в этой сфере вела и комсомольская организация. Секретарь заводского комитета комсомола – белокурая, голубоглазая, с нежным румянцем на щеках, стройная и подтянутая красавица Мила – одним своим видом увлекала за собой молодёжь (и не только) мужского пола на свершение всяческих начинаний и инициатив. За глаза её называли «Мальвина», за почти портретное сходство с героиней сказки, и частенько говорили: «Тебе бы, Милочка, не

на заводской сцене выступать, да на собраниях, а в кино сниматься!»

На что она, тряхнув своим бесподобным, платиновым облаком волос и глядя на собеседника лучистыми, ярко-голубыми глазами, скромно отговаривалась: «Ну какая из меня актриса?»

Хотя артисткой она была неплохой. Ни один концерт самодеятельности, даже на городском, а случилось и на республиканском уровне, не проходил без её участия. Она и пела, и выступала как чтец, и играла в спектаклях. Надо ли говорить, что кружки художественной самодеятельности, в которых Мальвина принимала активное участие, были переполнены мужской половиной завода. Да и чего греха таить – по Мальвине сохли не только сверстники и вчерашние пэтэушники, но и вполне зрелые, солидные и давно женатые мужики...

Спортсменкой она тоже была неплохой, выполнив норматив кандидата в Мастера спорта по художественной гимнастике. В общем, как говорят, – «мечта поэта».

Но, как истинный работник идеологического фронта, Мила блюла строгую нравственность. У неё был официальный жених, Лёсик – маленький художочный очкарик из заводской бухгалтерии, который покориł её в долговременной осаде и сразил окончательно своим единственным неоспоримым достоинством – стихами, посвящёнными ей.

Со стороны эта пара вызывала недоумение: красавица и задохлик. Но, вопреки всему и всем, дело шло к свадьбе. В ЗАГС было подано заявление, но, по

настоянию Милы, был назначен максимальный срок до регистрации – три месяца. По её словам, для того, «чтобы окончательно проверить чувства». Никто и предположить не мог, что этот срок еле-еле уложится в один месяц и события придётся форсировать.

Часть 2

«Завидная невеста»

А события развивались так. Спортивные достижения заводчан на различных областных и республиканских соревнованиях и спартакиадах не остались незамеченными – из Москвы прислали фотокорреспондента центрального спортивного журнала, сделать фоторепортаж. Тот, в сопровождении работников спорткомитета, посетил заводской стадион. Отсняв плёнку на стадионе и в помещениях спортсекций, принялся за актив – на фоне кубков, дипломов и грамот, а самих спортсменов решено было снять на рабочих местах, так сказать – без отрыва от производства. Завершив фотосессию, корреспондент задал председателю уточняющий вопрос:

«А какой из видов спорта у вас самый популярный и результативный?»

«Стрельба из мелкокалиберной винтовки», – ответил тот. – «И достижения здесь наивысшие: три мастера спорта, два кандидата в мастера, три перворазрядника!»

«А нельзя ли кого-нибудь из них снять всё-таки не у станка, а на огневом рубеже?»

«Сейчас решим этот вопрос. Митя!» – обратился председатель к инструктору комитета – «Сгоняй во второй сборочный, договорись с мастером смены насчёт Журавлёва!»

«А девушки-стрелки у вас есть?» – притормозил его корреспондент.

«Конечно! Но только одна перворазрядница, а остальные пока...»

«Вот и отлично!» – перебил его фотокор. – «Хочу сделать снимок для разворота, в цвете, и было бы здорово – девушку, а то у нас всегда почти одни мужчины! Так что, организуйте девушку и, конечно, симпатичную!»

Председатель задумался. Из трёх девушек-стрелков особо выделяющихся внешностью не наблюдалось. Из задумчивости его вывел Митя:

«Палыч», – склонился он к уху шефа, – «а что, если Милу, комсорга нашего сфотать?»

Пал Палыч всё просёк моментально, учёл все плюсы и скомандовал: «Давай! Найди, уговори и приведи!»

Через некоторое время появились запыхавшиеся Митя и Милочка. Что ей наплёл Митя – неизвестно, но главное – доставил. Она так толком и не поняла – для чего и кому так срочно понадобилась.

Пал Палыч представил их с фотокором друг другу и пока тот плотоядно облизывался, глядя на Милу, отвёл её в сторонку и тихонько прояснил положение дел.

Мила начала отнекиваться: «Ну какой из меня стрелок? Я же художественной гимнастикой занимаюсь!»

Палыч настаивал, утверждая, что это пожелание, даже требование – корреспондента. А она, как комсорг, должна проникнуться ответственностью момента и... В общем – уговорил.

В помещении тира освещения было недостаточно, и тогда Миле дали в руки «ТОЗ-8» (спортивную мелкокалиберную винтовку), устроив фотосессию на свежем воздухе стадиона.

При прощании корреспондент забросил было удочку на предмет дальнейшего знакомства, но, получив вежливый отказ и информацию о наличии жениха, смирился, подумав только: «Какая девчонка! Ей бы на киноэкране и сцене блистать, а не в заводских цехах!»

Вскоре в адрес спорткомитета пришла бандероль с несколькими экземплярами центрального спортивного журнала. Там ахнули: на глянцевой блестящей обложке красовалась во весь рост, с «ТОЗ-овкой» в руках их белокурая Мальвина... Заголовок под снимком гласил: «АКТИВИСТКА КОМСОМОЛА И СПОРТА Н-ского МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА – ЛЮДМИЛА ЯКУНИНА».

В стрелковой секции поначалу обиделись, но Пал Палыч смог убедить всех, что Мила достойна быть «лицом заводского спорта». И стрелки даже стали гордиться, что она представила на снимке именно их вид спорта, а не какой другой.

Первоначальный ажиотаж, вызванный фоторепортажем, а особенно обложкой журнала, потихоньку сошёл на нет и всё пошло своим чередом... Страсти разгорелись совсем в другом месте. Будущая семейная пара – Мила и Лёсик – оказалась на грани развала. А всё потому, что после выхода журнала Милу стали заваливать письмами многочисленные новые поклонники и потенциальные женихи.

Поначалу они с Лёсиком посмеивались, а Мила даже отвечала на некоторые из них. Но вскоре Лёсику это надоело и стало раздражать. Он забеспокоился о своём статусе законного жениха.

Начались мелкие разборки и сцены ревности, которые грозили перерасти в полномасштабную войну с непредсказуемым финалом. Мила уже не находила слов, чтобы успокоить будущего мужа, но на его участившиеся просьбы «доказать свою любовь», отвечала твёрдо: «Нет! Только после свадьбы!»

Положение заходило в тупик. И тут произошло событие, которое всё ускорило и разрешило.

Однажды, будучи в гостях у Милы, в её маленькой уютной комнатке в заводской малосемейке, Лёсик, по её просьбе, пошёл открыть общую входную дверь – кто-то настойчиво трезвонил.

Открыв дверь, он увидел на пороге высокого, молодого, черноволосого парня с орлиным носом и пижонскими усиками – явного представителя Кавказа.

«Вам кого?» – спросил Лёсик.

Парень показал ему журнал с Милочкиным портретом и спросил: «Люда ест? Пазави, да!»

«А кто вы такой?» – озадачил его вопросом Лёсик.

Джигит сунул ему под нос другой журнал, на обложке которого был уже его портрет и тоже с «ТОЗ-овкой» в руках:

«Я – Гиви Гиголашвили! Лучший стрелёк республики! Панимаиш, да? Жинитса приехал, да! Свадба делят будим! Понил, да? Люда зави!»

Лёсик такого явления и напора не ожидал и поэтому обалдел, потеряв дар речи. Глубоко вздохнув, возмутился:

«Я – её жених! И у нас скоро свадьба! А вы, уважаемый, езжайте назад! Прощайте!»

Лёсик попытался закрыть дверь, но Гиви упёрся и выразил своё недоверие:

«Кто – жиних? Ти – жиних!? Канчай врат! Люда зави!»

Он напирал. Лёсик, как мог, сдерживал, но понимал – долго он не продержится. Дело принимало нешуточный оборот. Запахло банальной дракой. На шум стали выглядывать любопытные соседи, но вмешиваться не спешили. Вышла и обеспокоенная долгим отсутствием Лёсика Мила. Сходу разобравшись в ситуации, она занялась миротворческой деятельностью: познакомилась с красавцем Гиви и пригласила его пройти к себе – подальше от любопытных глаз, где они втроём и продолжили разговор по существу вопроса.

Поняв, что несмотря на оперативность, он окончательно и бесповоротно опоздал, – Гиви очень расстроился и извинялся, приговаривая при этом:

«Ах, какой девушка! Какой дурак Гиви! На сарэзнавания паехалъ! Панимаиш, да? Суда ехат нада била!»

Покидая их, Гиви обещал прислать к свадьбе подарок. А, издёрганный вконец, Лёсик поставил вопрос ребром:

«В понедельник идём в ЗАГС! Ещё два месяца мои нервы не выдержат! Тебе нужен муж-псих?»

«Не нужен!» – растерянно ответила Мила.

«Тогда решено!» – рубанул Лёсик. – «Или – в понедельник в ЗАГС, или...»

«Что, «или»?» – заволновалась Мила.

«Или через два оставшихся месяца и таких посещений – психлечебница!» – завершил Лёсик.

«Лучше – ЗАГС!» – окончательно капитулировала Мила.

На том и порешили.

Часть 3

«Предсвадебный переполох»

В ЗАГСе согласились на перенос времени регистрации, тем более, что минимально положенный по закону – один месяц, уже миновал. Дату им назначили на конец текущей недели, и будущие молодожёны переключились на обдумывание – как всё организовать. Учитывая скромные возможности сельских родителей Лёсика и мамы Милы, да и свои собственные, – решили просто расписаться и посидеть в кругу самых близких друзей. Родителям они сообщили о досрочной да-

те регистрации, но попросили не приезжать, так как со следующей недели планировали взять отпуск и обязательно навестить их. Мила поговорила с мамой по телефону, а Лёсик обменялся со своими родными телеграммами.

Всё бы так и прошло – тихо и спокойно, но тут в дело вмешался партком завода...

Секретарю парткома позвонил 1-й секретарь горкома комсомола, по какому-то текущему вопросу. Тот выслушал и поинтересовался:

«А чего это ты, Сергей Алексеевич, мне названиваешь, а не Якуниной? Это ведь её епархия!»

«Да ей сейчас, Митрофан Дормидонтович, не до этого – регистрация брака в субботу!»

«Как! Она же у неё на конец августа была назначена!»

«Переиграли. Мы тут срочно готовим поздравление и подарок».

Затюканный партийными делами, Дормидонтыч только крикнул от досады, что не он первый узнал и сказал:

«Да мы же хотели им организовать настоящую комсомольскую свадьбу! И директор был в курсе, и профком! Сюрприз готовили! А сейчас что? Ё-моё! Сегодня вторник, значит осталось три дня всего!»

«Так что, Митрофан Дормидонтыч, объединяем усилия?» – спросил Сергей Алексеевич

«Объединяем!» – решительно рубанул парторг. – «Сейчас беру профорга и идём к директору! Комсомольская свадьба – не хухры-мухры, а политическое

мероприятие и пример для нашей молодёжи! Присылай ко мне своего работника, будем обговаривать всё на месте!»

Они попрощались. Парторг позвонил председателю профкома и условился встретиться через полчаса у директора.

Сейчас он был в полном раздрае чувств и мыслей. Дело в том, что в разговоре с секретарём горкома комсомола он немножечко слукавил – ни профком, ни директор не были в курсе его задумки по поводу проведения комсомольской свадьбы. Да и куда было спешить – два месяца ещё были впереди. Но сейчас, когда ситуация в корне изменилась, нужно было действовать быстро и решительно, чтобы не потерять лицо и собственный авторитет, прослав болтуном.

Директор с профоргом выслушали пламенную речь Митрофана Дормидонтыча и, вопреки его опасениям, поддержали идею комсомольской свадьбы. Но вот сроки поджимали... Директор задумался ненадолго, а затем подвёл итоговую черту.

«Значит, так», – начал он, – «Предприятие мы не бедное – на всю страну таких несколько, поэтому мелочиться не будем. Записывай профорг. Первое. Малосемейка – не солидно. Значит – отдельная квартира из директорского фонда. Второе. Денег у них – кот наплакал. Значит – обстановка. Без особого шика, но всё что нужно: и холодильник, и телевизор, и мебель. В общем, пиши, Леонид Фёдорович – всё, вплоть до посуды! Да не скупердяйничай, чтобы перед людьми потом краснеть не пришлось! Не разоримся чай! Третье. Согласуешь с парторгом количество гостей и сде-

лаешь все необходимые закупки. Ну и последнее – организуй молодым бесплатную путёвку на пару недель на море!»

Парторг с профоргом усердно скрипели ручками, записывая.

«Теперь по самой свадьбе», – продолжил директор – «Организуем всё на нашей базе отдыха: и места достаточно, и на природе! Ну и главное – молодым, ни слова! Приглашённые тоже пусть язык за зубами подержат – это, Дормидонтыч твоя забота! Подъедем в день регистрации к ЗАГСу, забираем молодых и – на базу! А до этого – молчок!»

Директор достал из встроенного бара начатую бутылку коньяка и наполнил рюмки:

«Ну, мужики, давайте – за молодых! За нашу смену!»

... Операция под кодовым названием «Свадьба» начала стремительно набирать обороты. Времени на раскачку не оставалось. Горком комсомола взял на себя всю культурно-развлекательную программу; профком занялся хозяйственными вопросами, а партком – списком гостей и, по традиции, общим руководством.

Часть 4

«Пуля-дура»

В пятницу, накануне свадьбы, директор собрал ключевых исполнителей и они отправились на базу отдыха – посмотреть, как идут последние приготовления.

ния к торжеству. С ними поехали и работники спорткомитета – директор собирался немного поохотиться на уток. По пути, присоединилась «Волга» 1-го секретаря горкома комсомола. Прибыв на место, всё осмотрели и остались довольны проделанной работой.

На живописной поляне располагались столы. Чуть в стороне, под развесистыми кронами деревьев, соорудили открытую эстрадную площадку. Электрики уже заканчивали тянуть проводку и монтировать освещение. Рабочие развешивали между деревьев флаги и лозунги, вперемешку с воздушными шарами и прочей мишурой. Заглянули и в пищеблок – там тоже всё было в готовности номер один.

«Ну и славненько!» – подытожил директор. – «А теперь не грех немножко расслабиться! Пошли в камыши. Глядишь, пару-другую уток снимем! Палыч», – обратился он к предспорткомитета, – «держи ключи от сейфа, несите с Митей ружья и патроны с «бекасинкой». Бери четыре ружья: я – с тобой в паре, а Сергей Алексеевич – с Митей. Из Дормидонтыча с Фёдоровичем охотники никакие. Пусть пока посидят в тенёчке, пивка попьют, отдохнут от дел праведных!»

... Милу привела в этот день на базу отдыха насущная необходимость: срочно нужно было заверить подписями заводского триумвирата характеристики на двух студентов-заочников, членов заводского комитета комсомола. Назавтра они должны уже выехать на сессию, а Мила, с предсвадебными заботами, чуть не упустила это дело из виду и сейчас навёрстывала.

Узнав в дирекции, куда направилось всё начальство, она поспешила туда же. На рейсовом автобусе, а потом пешком 3 км тащиться не пришлось – на базу отправлялся заводской автобус. Завхозу нужно было что-то отвезти и он прихватил Милу с собой. Она краем уха слышала, что на базе намечается что-то на выходные, но с расспросами не лезла. Раз начальство что-то организует для себя, а её в известность не ставит – значит так надо. Не её ума дело. Да и впервой, что ли, организует директор на базе различные охоты и рыбалки для городского и приезжего начальства? А у Милы с Лёсиком и своих забот хватало. Родители хоть и выслали им понемногу денег – всё равно, каждая копейка была на счету. Но, худо-бедно, всё просчитали и утрясли. И платье белое у Милы было – скромное, но с фатой; и Лёсику костюм купили; и кольца, недорогие, нашли; и даже три столика в кафе заказали. А возить их подрядился на собственном «Москвиче» дальний родственник Лёсика. В общем – закутились. Тут не до заводских дел было! И сейчас Мила срочно подчищала «горящие хвосты».

Автобус подъехал прямо к поляне. Завхоз с рабочими принялись за разгрузку, а Мила, увидев начальство, пошла к ним. Оценивая по пути приготовления, она прикинула масштаб предстоящего «банкетика» и подумала:

«Не иначе – из Москвы кого-то ждут! Вон и уток сейчас подзаготовят, Пал Палыч ружья приволок. Ладно. Не моего ума это дело и с расспросами лезть нечего. Не говорят – значит так нужно. Начальству видней. Со своими бы заботами расхлебаться!»

Увидев идущую к ним Милу, руководство опешило. Директор тихо прошипел: «Кто протрепался!?»

Ответа он получить не успел. Мила поздоровалась, извинилась и пояснила цель своего приезда. Узнав о причине, все расслабились. Характеристики были тут же подписаны, а печать поставит секретарь директора. Мила засобиравалась обратно. Но тут у директора возникла интересная мысль и он поспешил её озвучить.

«Люда», – обратился он к девушке, – «Ты же у нас отлично стреляешь, если мне память не изменяет? Вон на всю страну прогремела!»

«Да я...» – начала было Мила, но Пал Палыч с Митей не дали ей слова сказать и наперебой затараторили, подтверждая данный факт.

«Ну, тогда так»: – начал распорядиться директор, – «мы пошли занимать позиции, а ты, Палыч, отдай ей своё ружьё и проинструктируй. Сам – на подстраховку. За ружьём не ходи, не теряй времени, возьми, вон, у сторожа!»

Мила обомлела. Если она и стреляла пару раз из «ТОЗ-овки» в тире, то об охотничьем ружьё имела довольно смутное представление, тем более – о самой охоте. Пал Палыч начал её успокаивать и инструктировать:

«Значит так – ничего не бойся и не тушуйся! Всё сделаем тип-топ! Я сейчас возьму у сторожа парочку холостых патронов и тебе надо-то будет, после выстрела шефа пальнуть в воздух, а я подстрахую и сниму вторую утку!»

Задача была простой, но Милу всё же чуть потряхивало от предстоящего. Холостых патронов у сторожа не оказалось – только с бекасиной дробью и солью «на фулюганов», как он говорил, и Палыч, зарядив ружьё Милы патронами с солью («от греха подальше!»), повёл её к камышовым зарослям. Сделав короткую переключку укрывшихся в камышах охотников, уяснил диспозицию и разместил Милу поодаль от камышей и грязи – одета-то была не для охоты – на чистенький пенёк. Взвёл оба курка на её ружье и указал направление: «Шеф – там. Пали в воздух над ним. Жми сразу на обе «собачки» – шуму будет больше и мой выстрел не просекут!» Он заспешил в камыши и, укрывшись, затих. Наступил момент ожидания.

Мила поудобнее уюстилась на пенёчке, положила ружьё на колени, направив стволы в указанную сторону и обхватив указательным пальцем обе спусковые скобы. Мысли её опять унеслись к предстоящему замужеству, наполняя душу сладостным томлением...

Что произошло потом – никто из участников толком рассказать не мог, так – общие фрагменты. Но, соединённые вместе, они прорисовывали следующую картину событий.

... Мила уже поклёвывала носом, разомлев от сладких мечтаний и тёплого солнышка, когда внезапно, как гром среди ясного неба, грохнул оглушающий выстрел. Дёрнувшись от неожиданности, она произвольно нажала на оба спуска...

... Пал Палыч, ничего не поняв, хотел выскочить из камышей и посмотреть в чём дело, но запутался в

корнях и упал, произвольно влупив дуплетом не знамо куда...

... Из камышей нёсся дикий рёв и что-то пёрло напролом к берегу...

... Митя, испуганно заорав: «Кабана зацепили!» – выпалил наугад в камыши и бросился бежать, кинув на произвол судьбы Сергея Алексеевича...

... Комсомольский вожак, плюхнувшись с головой в грязь, тоже опустошил оба ствола в белый свет и затих, прикинувшись корягой...

... От выстрелов Палыча пострадали электрокабели воздушной проводки. Произошло короткое замыкание и началось возгорание...

... Из камышей, с визгом, вывалилось нечто грязное и страшное и понеслось прямо на столик, где уютно посиживали, потягивая пивко, парторг с профгором. Те встретили набегающего, как они расслышали из крика Мити, «кабана», пивными бутылками. От удачно попавшей в лоб бутылки с пивом, «кабан» хрюкнул и рухнул на землю...

... Всех охватил кратковременный ступор и только электрики с рабочими, громко матерясь, бегали с огнетушителями и устраняли последствия меткого выстрела Пал Палыча...

Из оцепенения всех вывел заговоривший вдруг привычным директорским голосом поверженный «кабан»: «Вы что, блядь, ох...ели совсем!?!»

Затем директор выдал в том же духе ещё несколько фраз, поднялся с карачек и заковылял в сторону медпункта. Очухавшиеся охотники и вlepивший ди-

ректору в лоб бутылкой профорг поспешили вслед за ним.

На месте остались: нервно всхлипывающая Мила, которая лепетала, как заведённая: «Всё... Уволят... Не виновата я... Оно само бабахнуло...» и Митрофан Дормидонтыч, с засевшей в голове, как гвоздь, мыслью: «Свадьбе – пи...дец!»

Он приобнял, успокаивая, Милу и повёл её к автобусной остановке, приговаривая: «Не плачь, дочка, успокойся, всё уладится!», а сам думал при этом: «Хорошо, что девчонка ничего о свадьбе не знает!» Посадив Милу на рейсовый автобус, пошёл не спеша к медпункту, понимая, что спешить уже некуда и незачем...

Часть 5

«Чему быть – того не миновать»

На другой день, утром, Лёсик со свидетелями заехали за Милой. Та ещё продолжала находиться под впечатлением вчерашнего ЧП. Но свадьба есть свадьба, и все неприятные мысли отошли на второй план по дороге в ЗАГС.

А в ЗАГСе их уже поджидали...

Всё завертелось в такой неожиданной карусели, что молодые растерялись окончательно и, смирившись с обстоятельствами, безропотно подчинялись всем указаниям Митрофана Дормидонтыча, который распорядился на правах посажённого отца. Един-

ственное, о чём вспомнила Мила по дороге на базу отдыха – это приглашённые гости. Но Митрофан Дормидонтыч, отечески поглаживая её по плечу, успокоил: «Не бойсь, дочка! Все уже на месте!»

По прибытии на базу, молодых усадили за отдельный столик, рядом со столом для руководства. С напутственным словом выступил директор завода. Он пожелал молодым всех благ, дальнейших трудовых успехов и детей побольше, чтобы появилась новая заводская династия. Затем обернулся к председателю профкома: «Твоя очередь, Леонид Фёдорович!»

Профорг откашлялся и начал издали, но директор перебил его: «Да не тяни ты, Леонид Фёдорович, кота за хвост! Не на собрании находимся! Давай, вручай молодым наши подарки!»

Мила и Лёсик и так были не в себе от происходящего, а когда профорг, под восторженные крики присутствующих, вручил им ордер и ключи от квартиры, присовокупив, что «сегодня они будут ночевать в новом жилье», так как «там уже всё обставлено и готово к их приезду», – они окончательно обалдели. Лёсик потерянно молчал, а Мила по-детски разревелась...

Теперь её, полуобняв, успокаивал директор, а она, уткнувшись ему в плечо, сквозь слёзы бормотала:

«Не виновата я, Степан Михайлович! Оно само бабахнуло!»

«Да ладно тебе, Люда! Зато память какая у меня останется! Примите-ка лучше ещё один подарок от завода!»

Он помахал рукой, призывая к тишине, а профорг добавил последний мазок в картину – вручил моло-

дым оплаченные путёвки в дом отдыха в Крыму на две недели.

Директор опять попросил тишины и, глядя на растерянных молодых, сказал традиционное:

«Водка что-то не идёт... Горько!»

Присутствующие подхватили, и свадьба начала набирать привычные для такого события, обороты.

Директор, который уже натоптался (а присесть он не мог после полученного в филейную часть заряда соли), подошёл попрощаться с молодыми. Но тут к нему подбежал запыхавшийся вахтёр и зашептал на ухо: «Степан Михалыч! Управляющий треста с городским начальством приехали!»

«Ё-моё!», – хлопнул себя по лбу директор. – «У нас же назавтра охота! А сегодня – заезд!»

И он поспешил к проходной. Приехавшие, уяснив ситуацию, были даже довольны, оказавшись, вдруг, в качестве почётных гостей на комсомольской свадьбе. Одеты они были, правда, не совсем подобающе, но это никого не смущало. Поздравив молодых, они расположились за столом заводского руководства и веселье продолжилось. Правда, управляющий треста обратил внимание на торчащего столбом директора и поинтересовался: «А ты чего это, Степан Михайлович не присаживаешься?»

«Да радикулит замучил, Никодим Никодимович! Прострел в пояснице», – смущённо ответил тот.

«А ты пару подушек приспособь: одну – к спине, другую – под ж...», – посоветовал управляющий.

Принесли подушки, и директор, бочком, устроился на стуле, а Никодим Никодимович дал ещё один дельный совет:

«Если нет змеиного яда – наложи сегодня на ночь водочный компресс, иначе завтра не охота будет, а мучение!»

Что такое мучение вместо охоты – директор уже испытывал в данный момент. А представив себе ощущения от компресса из водки, он содрогнулся, но согласно поддакнул и тему закрыли.

Через часик после официальной части, тостов, речей и поздравлений, когда гостям была предоставлена возможность произвольной программы: кто – пил, кто – пел, кто – танцевал, из-за руководящего стола прогремел бас Никодима Никодимовича:

«Мы тоже не лыком шиты! Давай, Михалыч, зови всех за столы!»

Распоряжение высокого начальства было исполнено. Управляющий треста, размахивая микрофоном, как дирижёр палочкой, стал вещать.

«Перво-наперво, я вашему директору выговор влеплю!» – начал он. – «Строгача! Не поставил руководство треста в известность о таком, политически важном событии, как ваша комсомольская свадьба! А то, что невеста – спортсменка, известная на всю страну, я вообще, только сейчас узнал!»

Никодим Никодимович потряс журналом с Милой на обложке: «Нехорошо, Степан Михайлович, умалчивать о таких людях и их достижениях! Трест умеет ценить свои кадры за их достижения и в труде, и в

спорте! Мы тут с товарищами посоветовались и решили сделать молодым подарок – автомобиль «Москвич»!

Пока гремели аплодисменты и крики «ура», наполнялись рюмки, стопки и бокалы, Никодим Никодимович инструктировал своего зама:

«Тебе, Виктор Григорьевич, завтра, с утра, с утра, придётся помотаться. Поднимай, кого надо от нашего секретарём горкома партии имени, но чтобы к обеду документы на машину были оформлены на эту красавицу!» – кивнул он головой в сторону Милы. – «Машину пригонишь сюда. Здесь и вручим – у меня идея одна есть! Машину возьмёшь из фонда премирования передовиков, а в приказе напишешь – «секретарю лучшей комсомольской организации треста и лучшей спортсменке, добившейся высоких результатов в стрелковом спорте!»

Сидящие за столом одобритительно кивали и поддакивали. И только Степан Михайлович вздрогнул на его последней фразе, подумав: «Результаты, конечно, достигли только среднего уровня, но точность попадания-неимоверная!»

В ответном слове посажённый отец, Митрофан Дормидонтыч, от имени молодых поблагодарил руководство треста и горком партии за подарок и резюмировал, что «передовики идеологического фронта и спорта так же важны для страны в деле воспитания молодёжи, как и производственники».

Мила, вместо ответного слова, разревелась и чуть не ляпнула привычное: «Не виновата я, оно само ба-

бахнуло!», но Лёсик сжал ей руку и сказал всё, что положено.

Гости опять предались произвольной программе: молодёжь пошла танцевать, старшее поколение осталось за столами.

Никодиму Никодимовичу было хорошо, как никогда. Он и раньше приезжал сюда поохотиться на уток, да и подрастаться. Но чтобы так, как сегодня... Он буквально пожирал глазами невесту, а когда ему принесли журнал и он узнал, что она ещё и стрелок к тому же, тут его и пробило на щедрый подарок.

«Да для такой девушки всё можно под ноги бросить!» – думал он. – «Эх, где мои молодые годы!»

Милу то и дело приглашали на танец работники заводоуправления и горкома комсомола. Она, с молчаливого одобрения Лёсика, никому не отказывала.

Никодиму Никодимовичу уж очень хотелось потрянуть стариной и, если не повальсировать, то хотя бы потоптаться на танцплощадке с красавицей-спортсменкой. Но экипировка для охоты, вкупе с болотными сапогами, увы, такой возможности не давали. И он попросил пригласить молодых посидеть за их столом.

Наполнив их рюмки и свою, он, без затей, сказал: «За вас, ребята!» Они с Лёсиком выпили, а непьющая Мила, просто пригубила.

Никодим Никодимович, похрустев огурчиком, наконец озвучил пришедшую ему в голову, ранее, мысль:

«Значит так. Завтра мы отсыпаемся. Какая утрен-
няя охота после такого застолья? Вы, соответственно,
тоже. Брачная ночь как-никак!»

Он игриво подмигнул Миле, вгоняя её в краску и
подумал при этом: «До чего же повезло этому паца-
нёнку! Такую девушку отхватил! Эх, не я на его ме-
сте!» И Никодим Никодимович аж крякнул от досады
и опрокинул очередную рюмку никого не дожидаясь.
Выдохнув, продолжил:

«Вы завтра часикам к 5-ти вечера подъезжайте,
получите машину с документами. Права у вас, у кого-
нибудь, есть?»

Мила с Лёсиком смущённо переглянулись – води-
тельских прав у них не было.

«Ну, возьмите кого, с правами, чтобы машину ото-
гнать куда вам нужно» – сказал Никодим Никодимо-
вич. – «А в понедельник подойдёте прямо к начальни-
ку ГАИ, он вас прогонит по ускоренной программе – я
с ним решу этот вопрос. Всё ясно, молодёжь?»

Молодёжь заверила, что всё уяснила. Тогда Нико-
дим Никодимович, хитро посмотрел на Милу и сказал
главное, вокруг чего и плёл все кружева:

«А вас лично я попрошу принять участие в вечер-
ней охоте, в качестве моего второго номера! Говорю
сразу – возражения никакие не принимаются! Стар-
ших нужно уважать!»

За столом густым облаком повисла тишина. Ди-
ректор завода чуть было не заорал: «Только не это!»,
но вовремя прикусил язык. Остальных участников
предыдущей охоты посетила одна и та же мысль : «Не
дай Бог, повторится!»

Все, замерев, смотрели на Милу и ждали, что она скажет. Отказаться было нельзя. Соглашаться – тоже. Но мысленно склонялись к тому, что она сможет найти вескую причину для отказа – всё-таки, свадьба, первая брачная ночь... А она, помолчав и прикинув про себя все «плюсы» и «минусы», вдруг задорно потрянула своей белокурой папашой волос и с детским озорством в голосе сказала:

«Ну как можно отказать такому мужчине? Меня просто не поймут!»

А про себя, со смехом, подумала, что если Пал Палыч опять подсунет ей патроны с солью, то на такого здоровяка, как управляющий треста, двух патронов будет маловато...

СЕМЬ ВЕЧЕРОВ В ПАЛАТЕ № 7

Нынешняя ночь для обитателей палаты №7 городской травматологии, оказалась бессонной. Начиная с часа ночи и до пяти утра, на остававшиеся свободными три места, поступили трое новых пациентов. Часам к семи утра суета и беготня персонала вокруг вновь прибывших прекратились, и обитателей палаты оставили в покое до предстоящего обхода.

Вновь поступившие бедолаги, обколотые обезболивающим, находились в состоянии беспокойного сна, а четвёрка «старичков» ворчала по поводу столь «весёлой» ночи.

«Как прорвало их! – возмущался Эдуард Андреевич. – Все – люди как люди, а этих угораздило: в одну ночь, да ещё и в одну палату!»

«Планида у них такая! – изрёк глубокую философскую мысль умудрённый жизнью Егорыч.

«Да какая на хрен, планида? – раздражённо бросил Николай. – У нас вон, тоже «планида»!»

«Да не заводитесь вы, мужики! – встрял Володя, самый молодой из четвёрки. – «Эти-то бедолаги здесь причём, что их именно к нам сунули? Нас, вон, тоже не спрашивали куда укладывать! Егорыч, ты лучше посеки у дверей, а мы пока курнём наскоро, а то всю ночь считай без курева!»

Некурящий Викентий Егорович, койка которого стояла у самых дверей, приоткрыл тросточкой створку и, всматриваясь в щель сказал: «Давайте пошустрей! Вон уже у первой палаты на обход собираются!»

Троица курящих задымила, Эдуард Андреевич включил стоящий на тумбочке настольный вентилятор и, взяв его в руку, стал направлять дым в сторону открытого окна. Курнув и пошикав освежителем воздуха, молча стали ждать обхода.

Обход прошёл быстро: новенькие и так были в свежих повязках, свежем гипсе и обколоты чем надо, а у «старичков» жалоб не было и они оставались с прежними назначениями и, обязательным при сотрясении головного мозга, строгом постельном режиме.

Наступила скукота лежачих будней...

Новенькие оклемались к обеду. После полуденного сна, ближе к вечеру, все перезнакомились и после вечерних процедур дружно дымили и болтали на разные темы.

Всегда активно дискутирующий Егорыч и предложил устроить так называемые «вечера откровений»,

после того, как темы для бесед были практически исчерпаны и изжѣваны, а анекдоты набили оскомину. Случилось это на третьи сутки их совместного больничного бытия.

«Слышь, мужики, – начал он, – мы уже по всему проехались – от политики, до баб, туда и обратно, и опять по кругу пошли. Надоело впустую языком чесать. Я предлагаю рассказать каждому про себя. Подробно, с чувством, расстановкой, – как докатился до этой палаты. Да и время так интересней пройдёт. Нас семеро – это семь историй по вечерам. Вот тебе и неделя, как с куста!»

Обитатели палаты молча внимали. Не каждому хочется откровенничать и вытаскивать себя на всеобщее обозрение и обсуждение. Но и версии, типа, «шѣл, упал, закрытый перелом», при таком раскладе не прокатывали. Требовалось нечто большее.

«А что, собратья по несчастью», – произнёс Эдуард Андреевич, – «по-моему, задумка неплохая. Можно попробовать. По крайней мере, отвлечѣмся. Вот только с кого начнѣм?»

«Я предложил – мне и начинать! – сказал Егорыч. – Да и по возрасту я здесь самый старший. Так что, слухай, братва, мою историю!»

ЕГОРЫЧ

Викентий с детства был неисправимым проказником и пакостником. Причѣм пакостил он без особого разбора и выбора объекта, не имея никакого злого умысла, а так сказать, по вдохновению души. Учителя

от его проказ стонали; соседи драли уши и сдавали отцу под ремень; сверстники, время от времени поколочивали – но ничто не могло заглушить его неиссякаемой фантазии и требующей выхода энергии. То он подкрасит лавочки во дворе и наблюдает, как соседи отдохнуть присаживаются; то пристроит ведро с водой над дверью подъезда и ждёт, кого из жильцов первым окатит. А в школе – вообще слов нет описывать все его «художества», самые невинные из которых – это намазать резиновым клеем сиденья или пристроить под учительский стол пластиковую бутылку с бурлящим в воде карбидом.

Классный руководитель плакала от радости на выпускном вечере, оттого, что наконец-то школа вздохнёт спокойно, направив Викентия в большую жизнь.

Но Викентий и по большой жизни пошёл, претворяя в реальность свои «творческие изыски». Сказать, что все, что он делал, делалось со зла – нельзя, но и добром, назвать его проделки – язык не поворачивается. Поскольку для кого-то это было смешно, а для кого-то грустно и даже очень.

Живя в коммуналке, он то дверь соседям заклинит втихаря, а те утром ломятся в неё, как лоси; то заявит, что такого-то вызывает участковый; то в поликлинику кого-нибудь отправит, мол вызывали, медсестра приходила... В общем, в таком духе и дома, и на работе. Со временем к нему притерпелись и всерьёз уже не воспринимали. А переехав в отдельную квартиру и выйдя на пенсию, Викентий Егорович загрустил и даже как-то сник от наступившей, затянувшейся паузы в его бурной, проказнической деятельности. Но, пооб-

жившись немного, вернулся к созданию своих «шедевров».

Как-то подсел он на лавочку, к торчащим там постоянно бабулькам из своего подъезда и на полном серьёзе поведал им, что прочёл научную статью в одном из солидных журналов, где какое-то светило медицины давало полезный совет по эффективному лечению атеросклероза. Надо, мол, регулярно по утрам, в одно и то же время – желательно часиков в семь – съесть натощак сырую морковку и лист капусты. При этом надо, держа их в руках, посидеть с ними в тёплую солнечную погоду на травке минут 10 – 15, для того, чтобы максимально набрать энергетику земли и солнца, а уж потом употребить. Бабульки обсудили «статью учёного» и решили начать «лечение» со следующего утра.

А Егорыч написал и расклеил в других подъездах объявление:

«Кто хочет посмотреть на живых кроликов – приходите завтра к 7 утра на лужайку напротив второго подъезда нашего дома».

На другой день он наслаждался плодами проведённой подготовительной работы. Картинка впечатляла: перед домом на лужайке рассаживались бабульки – кто на досочку, кто на половичок. Рассевшись, они взяли в руки по морковке и капустному листу, замолчали и устали в установленный перед ними будильник – время, значит, контролировали. Постепенно собиравшаяся вокруг них любопытная толпа толком ещё ничего понять не могла. Но когда бабульки, как

по команде, дружно захрумкили овощами, в толпе началась веселуха...

Последний из розыгрышей стоил Егорычу сломанной руки и сотрясения мозга. Причём, получил он всё это по своей вине. А дело было так. У соседа сверху, Паши, решался в мае-июне жизненно важный вопрос: жениться, наконец-то, или нет. У него была отсрочка от службы в армии по состоянию здоровья, которую ему ежегодно продляли. Продлялся, соответственно, и вопрос о бракосочетании. В этом году Пашу должны были или призвать на службу, или определить в запас по возрасту, выдав военный билет. Вот он и ждал. И дождался...

... Рано утром Егорыч, который был в курсе всех дел, позвонил в Пашину квартиру и с порога ошарашил: «Тебя вчера из военкомата искали. Повестку мне не отдали, но просили передать, чтобы ты через трое суток, такого-то числа, был к 8 утра на сборном пункте военкомата. Иметь при себе: бритвенные принадлежности, предметы личной гигиены и запас питания на сутки!»

И – понеслось... Невеста Паши, будучи в этом статусе уже 6 лет, исхлестала ему физиономию врученным по случаю предстоящей разлуки букетом и на отборном русском пожелала успехов в службе и дальнейшей жизни, поставив точку в их затянувшихся предбрачных отношениях. Паша с горя запил. Под пьяную лавочку он пораспродавал по дешёвке всю свою бытовую технику, и даже собранная им почти из металлолома, вылизанная и ухоженная «Ява» с коляской

тоже была безжалостно продана. Невеста бросила – жизнь рушилась...

Трое суток в квартире у Паши всё гремело и ходило ходуном. Количество «провожающих» постоянно пополнялось новыми лицами, большинство которых Паша видел впервые, но ему уже всё было до фени...

На четвёртые сутки, толком не протрезвев, он отправился в военкомат, где его никто не ждал...

К вечеру того же дня во дворе появился пьяный в лоскуты Паша. Он размахивал зажатым в руке военным билетом и орал песню:

«Отслужил солдат службу долгую,
Двадцать лет служил, да ещё пять лет...»

Подойдя к своему подъезду, он прекратил петь, задрал вверх голову и заорал: «Егорыч, сука старая! За Ленку и за «Яву» пришибу гада!»

В окна выглядывали любопытные, а Егорыч сидел на кухне у окна и испуганно подрагивал: Пашка такой – башку отвернёт и не поморщится. Он понимал, что на этот раз вышел перебор, и всё пошло наперекосяк.

Сутки Егорыч сидел дома, затихнув как сурок, не отзываясь ни на звонки в дверь, ни на стук. Благо жены дома не было – уехала погостить к сестре на некоторое время. На следующий день Егорыч осмелился, да и вынужден был уже сделать вылазку в магазин. Тихонько выйдя на лестничную площадку, он запер дверь и вдруг услышал сверху: «Ну, что, вылез на свет, шутник долбаный? Щас я с тобой пошутю!»

Егорыч обернулся и глянул вверх. По лестнице не спеша спускался Паша, держа в одной руке какой-то короткий толстый автомат, а в другой – пистолет.

Откуда бедному Викентию Егорычу было знать, что Пашка нёс продавать, на опохмелку, электродрель и паяльник!

В ужасе от увиденного, он попятился, бормоча: «Паша, не убивай! Не бери греха на душу! Прости старого дурака за ради Христа!». Тут нога у него подвернулась, и Егорыч полетел вниз, пересчитывая ступеньки лестничного пролёта...

... «Вот так я здесь и очутился, – закончил Викентий Егорыч своё повествование.

«Ну, а с Пашкой-то что? – спросил кто-то в темноте.

«Да нормально всё, – побряхтывая сказал Егорыч, – Радость у него: с Леной помирился, расписываются скоро. Да он же здесь позавчера был, вы его видели».

«Так это – он?! – изумился Эдуард Андреевич. – А мы подумали – сын! Такой заботливый, натащил вон сколько всего!»

«Пашка, – подтвердил Егорыч. – Моя-то старуха только завтра приедет от сестры, вот он меня и навестил, пока её нет. Он, вообще-то, парень хороший, добрый, и Лена его тоже. Это я, дурень старый...»

«Н-да, Егорыч. Пора бы тебе тормознуться на старости лет, – подал голос Володя. – Доиграешься! Не все люди такой «юмор» воспринимают нормально!»

«Да я уже думал об этом. Бабки – это одно, а с молодёжью надо потоньше, или вообще никак», – грустно резюмировал Егорыч.

«Ну, что, – подвёл черту Эдуард Андреевич, – на сегодня хватит. Завтра кто продолжит?»

«Давайте я», – сказал Николай.

На том и порешили.

НИКОЛАЙ

Николай тоже пошутил. Над соседом. Возвращался он с рынка домой, видит: сидит на автобусной остановке сосед по дому, Петя, с молодой женой. Тоже затарились под завязку. Семья молодая, в хозяйстве много чего нужно. Вот у них, кроме продуктов, ещё и куча коробок с разной кухонной утварью.

Николай подошёл, весело поздоровался и, с подначкой, спросил: «Петя, а с кем это ты? Познакомь!»

Молчун и бука Петя пробурчал под нос: «С кем, с кем... С женой! Галя, познакомься с человеком!»

Жена, такая же молчунья и бука – под стать мужу, – буркнула что-то в ответ и уставилась на свои коробки.

Николаю было весело, и ему хотелось, чтобы весело было и другим. Он решил растормошить жизненно-угрюмую пару и ляпнул первое, что пришло ему в голову: «Так это у тебя новая жена, Петя? А вчера ты с кем тогда был?»

Петя, было, забурчал что-то непонятное, а Галя ещё больше насупилась. Но тут подошёл автобус, и Николай забыл про свой вопрос, помогая молодой паре загрузить коробки. Приехав, он помог им перенести покупки к лифту, попрощался и пошёл к себе. Забросив продукты домой, захватил из холодильника пару бутылок пива и спустился на улицу к мужикам, забивать привычного «козла».

А в это время в квартире молодожёнов закипали нешуточные страсти. Причём, молча.

Петя, перетаскав коробки от лифта на кухню, сел перекурить и с улыбкой посмотрел на Гаю. Та в ответ только сильнее нахмурилась и продолжала молча потрошить коробки. Пауза затягивалась. И только Петя решил произнести первую фразу, как Галя извлекла со дна самой большой коробки огромную сковороду. Сковорода была, что надо: тяжёлая, чугунная, с добротной рукояткой – не «Тэфаль» какая-нибудь плюгавенькая!

Как и всякая девчонка, выросшая на селе, Галя тяготела к кухонной посуде своего детства – большим кастрюлям, чугункам и сковородкам, подозрительно и недоверчиво относясь ко всем изыскам импортной чудо-техники. Вот и эту сковороду она купила в скобяном магазинчике не реагируя на Петины недоумённые покряхтывания. И, как видимо, не зря...

Галя, всё так же молча, задумчиво посмотрела на этого монстра отечественного производства, взвесила в руке и, подойдя к Пете, саданула его по голове со всей страстью оскорблённой женщины.

Если бы Петя не уклонился...

Оглушило его основательно, да так, что глаза сбегались к переносице. Из рассечённого лба обильно потекла кровь. Галя, отбросив орудие возмездия на пол, испуганно заойкала и, схватив полотенце, зажала рану. Петя посмотрел на неё мутным взором и рявкнул: «Дура набитая! Ты чего это самое...?»

Галя, увидев, что муж умирать не собирается, подуспокоилась и выдала многословную для неё реплику:

«А чего он, этот твой, того... это самое?..»

«А он – того, – зло буркнул Петя, – не того, это самое...»

«Оба вы, смотрю, не того, это самое!» – презрительно глядя на мужа заявила Галя и, развернувшись, ушла в комнату, захлопнув за собой дверь.

Петя поплёлся в ванную, открыл аптечку, достал индивидуальный перевязочный пакет и намотал на голове некое подобие чалмы.

«Козёл, Коля! всю малину обо...л, гад! – заводился понемногу Петя. – Галька теперь неделю разговаривать не будет и к себе близко не подпустит!»

Он закурил и подошёл к окну. Глянув вниз, заметил среди сидящих мужиков Николая, который что-то рассказывал, а мужики покатывались от смеха.

«Это он про меня, скотина, травит! – взбеленился Петя, но продолжал стоять и курить. – Прищучу где-нибудь и рыло начищу паразиту!»

Всё бы ещё обошлось, как говорят, «малой кровью», но тут распахнулась дверь комнаты, и в прихожую полетели: матрас, подушка с одеялом и скрученные комом Петины носильные вещи. Мини-развод свершился, и Петя окончательно озверел. Схватив оружие для нанесения тяжких телесных повреждений под названием «Сковорода кухонная чугунная», он, забыв про лифт, помчался вниз к разрушителю его семейного очага.

Николай так и не успел рассказать до конца очередной анекдот. Сидя спиной к дому, он не видел бегущего к ним Петю, а мужики не придали значения. И только когда Петя страшным ударом сковороды отправил Николая в nirvanу, мужики навалились на не-

го. Но Петя умудрился ещё разочек припечатать Николая, разбив ему вдребезги физиономию.

Вызвали «скорую». Хотели и милицию, чтобы сдать Петю, который сразу притих и сидел смирённо рядом с поверженным противником, но, кое-как разобравшись в случившемся, решили: «Сами заварили кашу – пусть сами меж собой и расхлёбывают!»

Приехавшим медикам дали простое объяснение: соседи с лестницы свалились. Как? А хрен их знает! Этого вот перевязали – кровь сильно хлестала, а на второго бинта уже не хватило. Увезли бедолаг. Через пару часов причапал Петя. Ему наложили швы, сделали укол от столбняка и отпустили восвояси. Николай же попал в травматологию.

Дома Петю встретила со слезами раскаяния введённая очевидцами в курс дела Галя. Мир в семье был восстановлен...

«Слышь, Коль, а это не они к тебе навевываются?» – спросил Егорыч.

«Они, – вздохнул Николай. – Моя-то, как и у тебя, Егорыч, тоже укатила на время – мамане помочь, вот Петя с Галкой пока и шефствуют надо мной».

«Ситуёвина у тебя, однако, – задумчиво произнёс Егорыч. – Шутник хренов!»

«Сам такой! – обиделся Николай. – Я что, виноват, если бабы дуры и шуток не понимают?»

«Вот это – в точку! – согласился Володя. – У меня такая же дура! Я здесь как раз по её милости!»

«И я», – подал голос Саня.

«И я», – сказал Эдуард Андреевич.

«Я – тоже», – добавил Алексей Иванович

«А ты, Юрок? – спросил Егорыч. – Тоже из-за бабьего непонимания?»

«Я по своей дури в аварию попал, – ответил Юра. – Но тоже, блин, из-за шуточек...»

«Расскажи!» – завелся, было, Володя. Но его осадили, что уже поздновато и пора спать.

«Завтра Юра нам расскажет про своё приключение. А пока – всем спокойной ночи!» – сказал Эдуард Андреевич и палата затихла.

ЮРА

«Меня, видимо, Бог наказал! – начал свой рассказ Юра. – И всё за мои шуточки-дрючки!»

... Смена выдалась пустая. Клиентов не было. Время приближалось к трём часам ночи, а Юра всего-то и обслужил один вызов – отвёз подгулявшую парочку из центра в студенческий городок.

«И скучно, и грустно, и выручки нет. Встать на отстой да поспать что ли?» – думал он, вырливая из студгородка на проспект. И тут в свет фар перед капотом выскочил парень. Юра врезал по тормозам. Парня всё же двинуло капотом, и он упал. Выскочив из машины, Юра бросился к парню. Тот сидел на дороге и тупо тряс головой.

«Живой? Целый? Нигде не болит? – спрашивал Юра, лихорадочно осматривая и ощупывая парня. – Что ж ты так неосторожно! Прямо под колёса!»

«Ш-шеф! – наконец изрёк парень, – в а-р-рапорт надо! На с-самолёт паздываю!»

Юра, учуяв свежайший запах спиртного, ма-ттюгнулся про себя и, убедившись окончательно, что парень цел и невредим, решил ехать. Но прежде чем уезжать, он вдруг решил немного поговорить с этим камикадзе – всё равно спешить было некуда.

«Куда ты прёшься такой? Какой тебе аэропорт? Кто тебя в самолёт пустит? И вообще, откуда ты свалился на мою голову?» – засыпал он парня вопросами.

Парень усиленно пытался понять: чего от него хотят? Потом, шатаясь, встал, сделал рукой жест – «Мол, подожди!» и двинулся к троллейбусной остановке. Там он выволок из под лавочки чемодан и по спирали вернулся к машине.

«С-студент я! – сказал наконец парень, – с-сессию обмывали! Д-домой надо лететь!»

«Дай билет!» – попросил Юра.

Парень полез в карманы в поисках билета, но извлёк на свет наполовину пустую бутылку водки.

«Щ-шасс, ш-шеф, найду... Б-будешь?» – он протянул бутылку Юре.

«Я же за рулём, чудо! – отмахнулся Юра. – Билет ищи!»

Парень понимающе кивнул и приложился к бутылке. Простимулировав мыслительный процесс и выровняв координацию движений, он зачихал бутылку в боковой карман пиджака, а из внутреннего, наконец, достал тощий бумажник и протянул его Юре – мол сам смотри и разбирайся, не до тебя. Опустившись на чемодан, парень стал клевать носом, изредка

встряхивая головой и поглядывая на Юру. Тот изучал содержимое бумажника. Так – студенческий билет института искусств на имя Вячеслава Полянкина; паспорт на то же имя; билет на самолёт, который, судя по указанному времени рейса, два часа уже как улетел; несколько купюр – видимо остатки стипендии.

«Не зря говорят, что люди искусства квасят почём зря, – подумал Юра. – Если уже со студенчества до такого состояния доходят, то что же дальше будет?» Он посмотрел на Славку: «И что мне теперь с ним делать прикажешь?»

Засунув Славке назад в карман бумажник, растолкал его и спросил: «Слышь, студент, а может, в общагу вернёшься?»

Славка отрицательно замотал головой: «Я на к-квартире живу. В общагу не пустят. Ш-шум поднимется: деканат, р-ректорат... В-выгонят, на фиг! – Он достал бутылку, допил остатки, хэкнул и почти трезвым голосом внятно и уверенно сказал: – В аэропорт!» На большее его истерзанного организма не хватило и он, опустившись на чемодан, заснул.

«И куда его девать? – думал Юра-«В общагу – нельзя: и впрямь могут за пьянку из института попереть. В аэропорт – нельзя: там менты в вырезвитель определяют на раз и в институт накапают. На остановке не бросишь: шпана обшмонает и изобьёт, да и патрули здесь частенько проезжают... Ну, не с собой же его до конца смены возить!»

Юре было жаль бросать бедолагу-студента на произвол судьбы, и тут ему в голову пришла спаси-

тельная мысль. Он чуть ли не подпрыгнул от восторга и стал расталкивать Славку:

«Поехали, студент! Специально для тебя дополнительный рейс выбрали! Сейчас улетишь!»

Юра распирал еле сдерживаемый смех. Запихав Славку в машину, он продолжил движения в сторону центра города. Об аэропорте вопрос не стоял. Славка мирно подрёмывал, а Юра весело думал:

«Ну и хохма будет поутру, когда он zenки разует! Решит, поначалу, что его «белочка» посетила! А что? – рассуждал Юра, – шпаны там не бывает, менты близко не проезжают, светло кругом, как днём. Проспится парень и порядок!»

Юра вёз Славку в самый центр города, где на зелёной лужайке, возле здания цирка, стоял на приколе, приспособленный под детский кинотеатр, самолёт «АН-24» под названием «АНТОШКА».

Подъехав к поляне, осмотрелся: ни милиции, ни праздношатающихся прохожих не наблюдалось. Растолкав Славку, Юра всучил ему в руки чемодан и указал на «АНТОШКУ»:

«Чеши шустро! Вон твой самолёт! Сядь у трапа и жди посадки!»

Со смехом он наблюдал, как Славка устраивается сбоку от трапа на чемодане. Увидев, что тот мирно заснул и, убедившись, что со стороны дороги спящего студента почти не видно, Юра подумал:

«Ну, всё. На сегодня достаточно. Поеду в парк на отстой».

Юра расслабился и от души веселился: «И парня от неприятностей оградил, как мог, и хохмочку провернул! Приеду, расскажу ребятам, во, смеху будет!»

Делая поворот, на ведущую в таксопарк дорогу, он опять представил себе, как проснётся утром студент у трапа «АНТОШКИ», и какова будет его реакция. Не выдержав, в голос захохотал и... непроизвольно утопил педаль газа до упора... Машина, взревев как раненный кабан, рванула вперёд, врезалась в фонарный столб, и Юра пришёл в себя только в палате...

«Нет, паря, ты несправедливо пострадал, – произнёс Егорыч. – Студенту-то ты по-своему помог».

«Да нет, Егорыч», – с досадой в голосе сказал Юра. – Мог бы и без шуточек обойтись. Отвёз бы его в таксопарк – пусть дрыхнет. Так нет же, захотелось ему «полёт» организовать! Вот и результат!»

Начался спор. Одни были за то, что это справедливое Божье наказание, другие утверждали, что нет.

Как всегда, вмешался Эдуард Андреевич: «Справедливо или несправедливо – не нам судить. Но в народе не зря говорят: «Бог шельму метит!». Вот и думайте! А пока – отбой. Кто на завтра настроен?»

«Я, – сказал Володя. – Я тоже несправедливо пострадал».

ВОЛОДЯ

Молодожёны Володя и Люба временно проживали в заводской малосемейке, пока Любина мама – главбух этого перспективного завода, правдами и неправдами устраивала им отдельную квартиру. На по-

купку своей денег не было, а вот завод, вопреки всем рыночным катаклизмам, держался на плаву, содержал в порядке свои объекты соцкультбыта и даже возводил новый жилой дом. На него-то и делалась ставка. А пока суд да дело, молодые постепенно приобретали вещи для будущей квартиры. Мебель пока не брали – ставить некуда, а вот бытовую технику и прочую мелочь покупали регулярно. Тем более что весь интерес состоял в том, что завод организовал прямую поставку многих товаров и они обходились заводчанам, минуя всяческие накрутки, по ценам, гораздо ниже рыночных. Конечно, товары особых поставок быстро расходились по руководству, но рабочие всё равно были довольны: или по одной цене купить ту же стиралку, или выложить за неё почти на четверть меньше.

То, что мечтала приобрести Люба, как раз и относилось к категории редкопоставляемых товаров – иранский, на худой конец, туркменский ковёр из натуральной шерсти три на четыре метра.

Обычными, в основном синтетическими коврами, было завалено всё. Спросом они особым и не пользовались – мода отошла. Но Люба видела свою будущую квартиру так, как ей хотелось видеть, и веяния времени и моды коснулись лишь бытовой техники, а в остальном она предпочитала, чтобы всё было так, как в квартире, где она выросла. Володя переубеждать её и не пытался – лишь бы Любе нравилось.

Однажды она прибежала к Володе из своей бухгалтерии прямо в цех и, не отдышавшись, отвела его в сторонку и тихо зашептала:

«Вот тебе записка от мамы к кладовщику, вот деньги. Иди, отпрашивайся у начальника цеха и дуй быстрее за ковром! Там привезли пять штук всего! Только бери красный! Мама узнавала – есть!»

Володя пошёл к начальнику цеха. Тот, услышав просьбу и цель, отпустил: с зятем главбуха надо быть лояльным! Придя на склад, Володя отдал кладовщику записку. Тот прочёл и предоставил Володе на выбор три ковра с различным орнаментом, но с одинаково превалирующим зелёным цветом.

«Мне бы красный... – робко сказал Володя. – Жена говорила, что есть...»

«Были, – сказал кладовщик. – Две штуки. Но, – он ткнул пальцем в потолок, – ушли туда. Так что бери, какой есть. А то и эти разлетятся. Чем тебе зелёный-то не нравится? Смотри, красота какая, как на лесной полянке будешь валяться!»

«Да мне-то без разницы, – ответил Володя, – но вот, жена...»

«А ты что, не мужик что ли в доме? – поддел кладовщик. – Нравится, не нравится, а получай, красавица! Забирай и тащи домой. Вон, Васька поможет. А жена и к этому привыкнет. Мало ли какие фантазии женщинам в голову взбредут? Что, кидаться их все исполнять прикажешь?»

«Он на 100 процентов прав, – подумал Володя. – Перебьётся и зелёным! Какая разница, по какому коврику топтаться, красному или зелёному?»

Оплатив покупку, он, на пару с грузчиком Василием, принёс ковёр домой, и раскатали его. Ковёр занял собой всю полезную площадь, и даже кровать.

«Пусть так лежит, – решил Володя. – Люба увидит, какой он красивый, и за цвет выступать не будет!»

Василий намекнул на обмывку. Малопьющий Володя нехотя согласился, и грузчик умчался в магазин.

Володя застелил лежащую на полу часть ковра газетами, чтобы лишний раз не топтаться, и приготовил нехитрую закуску...

... Заскочившая в обеденный перерыв полюбоваться ковром Люба пришла в ярость от увиденного. На расстеленном ковре сидел по-турецки Василий, дирижировал водочной бутылкой и исполнял в голос что-то, по его соображению, восточное. Рядом, опёршись на кровать и раскинув ноги циркулем, сидел и пытался подпевать, абсолютно никакой, Володя. А обратив внимание на цвет ковра, Люба вообще озвела.

Не слушая никаких попыток Володи как-то оправдаться, она, на добротном уличном, высказала всё, что думает по этому поводу и выдала резюме: «Приду с работы, чтоб ни этой зелёной дряни, – указала она на ковёр, – ни этого баклажана, – ткнула она пальцем в Василия, – здесь и духу не было! Деньги мамины, чтобы до копеечки были на месте!» Хряснув дверью Люба ушла.

«Чо делать будем, Вовка? Назад потащим?» – икая, спросил Василий.

«А вот, чёрта – с два! Мужик я в доме или хрен собачий?! – психанул не на шутку Володя. – Будет мне тут морали читать и жизни учить! Я тебе поучу!»

Выпроводив Василия восвояси, он целенаправленно направился за покупками: вначале в продуктовый, а затем в хозяйственный магазины, готовится к вечерней встрече жены и тещи.

Но до вечера ждать не пришлось. Люба прибежала к матери и, разрыдавшись, выложила ей новости. Та поняла, что надо как-то спасти ситуацию и, забрав дочь, поспешила с ней в малосемейку.

Композиция, которую они застали, ввела их в ступор: пьянящий в дым Володя, который никак не отреагировал на их появление, да и вообще уже был не способен реагировать на внешние раздражители, сидел на злополучном ковре, обмакивал малярную кисть в стоящую рядом банку с красной краской и размазывал её вокруг себя по ковру, приговаривая: «Хотела, сука, красный? Получай!»

Нервы у Любы не выдержали и, с утробным рёвом: «Что ж ты творишь, паразит?!» – она подскочила к Володе, схватила стоящую тут же бутылку водки и врезала ему по голове...

«Вот так я тут и оказался. Сотрясение...» – завершил свой рассказ Володя.

«Ну и что дома теперь?» – поинтересовался Юра, пока остальные надрывали животы от смеха.

«Да что... Жена, дура, ревет. Прощения просила... Они с тещей два дня этот ковёр от краски оттирали и растворителями, и бритвенными лезвиями...»

Палата опять зашлась в смехе.

«Да хватит вам! – сказал Володя, – что тут смешного-то? Что я из-за бабьей упёртости пострадал?»

«Женщины – народ такой, – сказал мудрый Егорыч. – Уж если втемяшат себе что-нибудь в голову, то вынь им и положи! Топором не вырубить! И ведь сначала сделают, а потом уже думать начинают: «И зачем я это сделала?»»

«Кстати, о топоре, – сказал вдруг Саня. – Я вот через бабскую глупость от топора пострадал. Завтра расскажу».

Палата отошла ко сну.

САНЯ

«То, что бабы– дуры, известно давно, – начал Саня. – Но таких, как моя– надо ещё поискать!»

Любовь Сани к Раечке уходила глубокими корнями ещё в школьные годы. Маленькая росточком, наивная, с вечно распахнутыми от удивления глазами, кукольно-игрушечная Раечка как бы просила покровительства и защиты у окружающих. И Саня стал её верным рыцарем и покровителем. Одна плохая черта характера была у Раечки – легкая внушаемость и подверженность чужому манипулированию собой. Поначалу Саня на это не обращал внимания. Всё начало обостряться, когда он, отслужив в армии, женился на Раечке.

Она оказалась не только легковнушаемой, но и глупой, как пробка. Что раньше вуалировалось её якобы наивностью. В общем, что-то типа вечного великовозрастного ребёнка. И если она слушала всех подряд: маму, тётку, подруг, соседок, строя свою семейную

жизнь по их понятиям, то Саню она не слушала вообще в упор.

Если Рае говорили, что жена в доме – королева, то и вела она себя соответственно: в квартире был бардак, на кухне ничего не готовилось, вещи не стирались, а «королева» или у телевизора валялась на диване, или висела часами на телефоне, треплясь с многочисленными подружками. На Санины, поначалу робкие, а потом и более жёсткие замечания, она неизменно отвечала, наивно хлопая своими ярко-голубыми глазами: «Домашнее хозяйство – не моё призвание, Шурик! Я создана для более высокого – для любви! А возиться с грязным бельём и кастрюлями... Б-ррр... Не хочу и не собираюсь превращаться в обабившуюся домохозяйку! Тебе надо – ты и займись всем, или наймём домработницу!»

«Да какая, блин, домработница?! – фонарел Саня. – Может быть, тебе ещё и кучера с каретой нанять?!»

«Потребуется – наймёшь! Своей-то «кареты» пока ещё не имеем!»

Обрывая бесполезные дебаты, Саня, махнув на всё рукой, уходил на кухню, где гремел кастрюлями, готовя какое-нибудь варево, или шёл в ванную, включал машину и устраивал стирку. Правда, варить он скоро бросил, потому что однажды Раечка, сморщив миленький носик и понюхав его «кулинарные изыски», безапелляционно заявила, что есть «эту отраву» она не будет и заботы об их пропитании полностью легли на мамочку и тётку. Но если с питанием у них всё же особых проблем не было – так как регулярно приходящие теща и тетка, притаскивали с собой всяких

вкусностей, чтобы побаловать свою «принцессу», и даже умудрялись что-то приготовить – благо, времени у пенсионерок было битком, а заняться кроме горячо любимого чада нечем, – то с остальными домашними делами был полный завал.

Саня помаленьку смирялся с положением дел, и постепенно впрягся полностью в домашний воз, предоставив «титулованной королеве» полную свободу действий. И зря.

Раечке прискучила такая жизнь и она, по совету подруг, стала устраивать маленькие скандалчики, а затем и грандиозные скандалы, можно сказать на ровном месте. И всё это для того, чтобы, как говорили подруги, «держать мужика в тонусе, чтобы не расслаблялся и знал своё место».

«Мужикую нельзя давать расслабляться ни на минуту! – внушали они Раечке. – Дашь один раз слабинку – сядет на шею, и будешь всю жизнь на него горбатиться, как служанка! А там дети пойдут и всё – прощай молодость! А мужик посмотрит на тебя, всю зачуханную, домашними заботами издёрганную – и к другой пойдёт! Все они, козлы, под одну гребёнку!»

Вот Раечка и старалась держать мужа в «соответствующем тонусе». После года такой жизни Саня, вместо ожидаемого Раей «постоянного тонуса», вошёл в неожиданный, но легко предсказуемый «штопор», где он почувствовал не только полное раскрепощение, но и проявил, наконец, нужные мужские качества: дважды, с треском, разогнал Раиных подруг; чуть не спустил с лестницы тещу впридачу с тёткой; расколо-

тил телефонный аппарат и с корнем вырвал шнур питания у телевизора.

А ошарашенной происходящими переменами Раечке, заявил: «Будешь барыню из себя дальше корчить – пришибу на хрен!»

Раечка перетрухала не на шутку, притихла и вроде образумилась. В квартире стало больше порядка, стиралка регулярно работала, да и на кухне ощущались незначительные, но сдвиги. Жизнь налаживалась.

Но, как говорят: «Недолго мучилась старушка в высоковольтных проводах»... Вскоре всё вернулось в прежнее русло. Саня опять «нырнул в бутылку» и навёл «конституционный порядок». Так у них и пошло: Рая Саню в «тонус» – тот в «штопор», а затем «мирное сосуществование». И по новой. Так и пошёл у них этот «круговорот воды в природе», и растянулся на год.

Раечка взяла теперь моду зависать у мамы с тёткой или у подруг в периоды Саниных «штопоров». Хуже того – она начала, опять же с подачи тех же подруг, увлекаться рюмочкой. И так верящая во всякую ахию, поддтая Раечка готова была поверить вообще во что угодно, исходящее от её ближайшего окружения. И не только поверить. Но и воплотить любой бред в жизнь. Так она и поступала, появляясь дома после нескольких дней отсутствия, когда Саня уже приходил в себя. И теперь уже наступала его очередь усмирять бушующую жену, соглашаясь с ней во всём – лишь бы успокоилась.

Сосуществование двух антиподов мучительно продолжалось. Саня не раз уже подумывал о разводе,

но отметал эту мысль – он любил Раечку той единственной любовью, что даётся человеку раз в жизни – или на счастье, или на муку. А Рая о разводе и не помышляла.

«Какой развод? – махали руками подруги – Разведёнка – никто! А ты – мужняя жена! Поэтому и строй своего пентюха по нужному тебе образу и подобию! И держи себя на равных, не уступай ни в чём! Он пьёт – ты пей! Он пошёл «налево» – ты иди! Он грозитя пришибить – ты угрожай!»

Ну и «насоветовали» в конце концов...

Как-то, будучи в очередном «штопоре», доведённый до белого каления, Саня схватил разделочный топорик, прижал жену к стене и страшным шёпотом сказал: «Райка, будешь продолжать убегать из дома и квасить со своими бабами – зарублю, а сам с балкона выпрыгну или повешусь!»

Глядя в Санины дикие глаза и слушая жуткий шёпот, Раечка поверила сказанному. А через час, когда Саня захрапел, она бросилась к подругам. Угроза была нешуточная, и подруги устроили целый «военный совет». Требовалось найти адекватный ответ, чтобы раз и навсегда охладить агрессора.

Выход из положения искали долго, прерываясь только для того, чтобы «простимулировать мозговую деятельность» очередной рюмкой. Наконец, подруги придумали гениальный по своей простоте ход и взялись за инструктаж.

«Значит так, Рая, – стали внушать подруги. – Приходишь домой, ждёшь, когда он проспится и говоришь на полном серьёзе, что если он ещё раз напьётся до

свинского состояния, то ты ему, сонному, голову отрубишь!»

Вдохновлённая советом и выпитым, Рая помчалась домой реализовывать полученные рекомендации. Как она и рассчитывала – Саня уже проспался и тихонько курил, сидя на кухне. Увидев в дверях покачивающуюся жену, он беззлобно пробурчал: «Набегалась, курва?»

Рая, гордо задрав голову, молча прошествовала к кухонному столу, выдвинула ящик, достала разделочный топорик и, ни слова не говоря, хряснула мужа по голове! Но выпитое нарушило координацию и удар пришёлся вскользь. Зато пострадала ключица, хрустнув, словно сухая ветка. Саня взревел от боли, а Рая, испугавшись, что сейчас он её действительно убьёт, уже не соображая ничего, снова размахнулась и саданула топориком по виску. Хорошо, что попала обухом...

Муж рухнул без сознания, а вмиг протрезвевшая Раечка, выронила из ослабевших рук топорик. До неё постепенно доходило, что на этот раз она сделала что-то не так...

«Вот вам и моя история появления в этой палате, – закончил Саня свой грустный рассказ. – Одни дуры научили, другая сделала, как поняла».

«Ну, теперь-то уж точно: горшок об горшок и вся любовь! – сделал скоропалительный вывод Егорыч.

«Да нет, Егорыч. Вы же все мою Раю, считай, каждый день видите. В первый день, как её пустили, мы долго шептались обо всём. Теперь у нас жизнь по-другому пойдёт. Ни выпивок, ни подруг! Раечка уже

генеральную уборку дома сделала и рецептов разных кулинарных набрала, мать с тёткой её натаскивают, ждут меня! Любим мы друг друга, мужики, и не сможем друг без друга! Дошло до нас это основательно. А что до дуростей бабьих, то Рая говорит, что вот эта, последняя, в ней всё перевернула и дала понять, как она меня любит на самом деле! Так что, не зря говорят: «Не было бы счастья, да несчастье помогло!»

Соседи по палате удовлетворённо загалдели, искренне радуясь такой развязке. Постепенно утихомирились, и Эдуард Андреевич, уже как бы на правах распорядителя, спросил: «Ну что, Алексей Иванович, завтра ты будешь вещать, а я уже «на закуску» пойду?»

Алексей Иванович не протестовал.

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ.

Алексей Иванович проживал с супругой и маленькой лохматой псинкой непонятной породы, которая, жалобно скуля, прибилась к ним во время вечерней прогулки. Взрослый сын жил уже с семьёй отдельно, и псинка, по горячему желанию супруги, была взята на воспитание. Алевтина выкупала собачонку, расчесала ей лохмы, украсила бантиком на голове и дала кличку «Мелиссия».

«Что за имечко ты ей придумала, Аля?» – спросил недоумённо муж.

«Да это я в одной «мыльной опере» персонаж такой видела: маленькая, шустрая, косматая, рыжая де-

вица. И выражение лица у неё такое же хитрющее, как у нашей собачки!»

Теперь в семье заправляла всем Мелиссия: ела только вкусенькое, спала в любимом кресле Алексея Ивановича, и попробуй, тронь её! Гулять по расписанию – утром и вечером – её приучили. Но по какой-то своей собачьей прихоти, Мелиссия предпочитала прогулки в определённое ею самой время: утром с восьми до десяти часов, а вечером не ранее полуночи. Как ни бились супруги с переводом внутренних часов собачонки хотя бы на более раннее время вечерних гуляний – бесполезно. В одиннадцать вечера визжащую Мелиссию можно было вытащить из дома только волоком, зато с двенадцати ночи она сама никому покоя не давала, пока её не выведут гулять. Постепенно супруги смирились с неизбежным и им даже нравилось совершать прогулки втроём, по заросшей кустарником аллеюшке возле дома, в позднее время. Народу – никого, спящих туда-сюда машин мало – благодать!

Предстоящая прогулка не предвещала ничего особенного. Вышли из дома, Алевтина выпустила из рук Мелиссию и та сразу же умчалась в кусты, а супруги, присев на скамейку, наслаждались ночной прохладой. Время шло, Мелиссия не появлялась. Обеспокоенная её отсутствием Алевтина, полезла в заросли кустарника. Алексей Иванович потянулся, встал со скамьи, и закурил. И тут на него, как чёртик из табакерки, выскочила какая-то пигалица.

«Ой! Здравствуйте! Вы не скажете, который час?» – ляпнула она.

Алексей Иванович посмотрел с высоты своего роста на это мелкое чудо, одетое в легкомысленные шортики и топик и подумал: «Ну, вылитая наша Мелиссия!» Потом глянул на часы и ответил:

«Уже без десяти минут час ночи, любезная! Где это вы так припозднились?»

«Да рядом, у подруги заболталась, – ответила облегчённо девушка, успокоенная серьёзным видом и солидностью Алексея Ивановича. – Вы бы не могли меня проводить? Вон мой дом, за пустырём. А то страшно по этим зарослям пробираться – вдруг маньяк подкараулит!»

«Конечно, девушка! – ответил Алексей Иванович и подумал, что как только Аля найдёт псинку, они ещё чуточку прогуляются уже вчетвером. Решив немного поговорить в ожидании жены, он спросил: – Студенткой будете?»

«Третий курс. Вернее, уже четвёртый, института физкультуры и спорта! – гордо ответила девушка. – Сейчас на каникулах».

Алексей Иванович, глядя на её худенькую фигурку, изумился: «Так вы – спортсменка?»

«Первый разряд по лёгкой атлетике и чёрный пояс по карате!»

«Так чего вы маньяков каких-то испугались? И драться умеете, и бегать быстро!»

«Ну, мало ли... Долбанет чем-нибудь по голове из-за куста, и всё!»

И тут у Алексея Ивановича что-то переклинило в голове. Он вдруг вспомнил свои студенческие годы,

активное участие в КВН и решил немного разыграть пигалицу.

«Ну и зря вы от каждого куста шарахаетесь. Убивать вас, миледи, смысла нет, а вот удовольствие получить – иное дело!»

Тут в кустах раздался приглушённый голос Алевтины, котрая звала вредную псинку: «Мелиссия! Мелиссия!»

И Алексей Иванович, продолжая начатое, кивнул в сторону кустов: «Слышите? Вон, одна уже доставила удовольствие, без шума, так сказать и пыли. Правда всё милицию зовёт, слышите? А какая тут может быть милиция? Лежи, отдыхай! Отдохнула – топай домой! Жива-здорова! Чего ещё надо? Так что, бояться нас нечего! Мы – сексуальные маньяки, народ, по сути, безвредный: получил своё, и в отвал! Лучше соглашайтесь на всё сразу, мадам!»

Пигалица за время этого монолога превратилась в статую. Алексей Иванович, весьма довольный произведённым эффектом, только собрался успокоить её, сказав, что всё это просто шутка и позвать, наконец, жену, но не успел...

Острая, как молния, боль пронзила его от паха до головы. В глазах потемнело, а крик захлебнулся от двух стремительных ударов – в солнечное сплетение и печень. Алексей Иванович согнулся пополам, получил ещё один жуткий удар – коленом в лицо и, падая, был окончательно выбит из сознания чётким ударом стопы в основание черепа...

«Вот так я и дошутился до этой койки! – весело сказал Алексей Иванович. – «Хороший урок препода-

несла Катюша старому идиоту! Вспомнил молодость кавезнную называется!»

«Катюша – это та пигалица?» – спросил Володя.

«Да. Они с Алевтиной ко мне приходили, и сейчас вы её видите периодически».

«Я думал, что это дочка», – сказал Егорыч.

«И я, – понеслось по палате, – И я...»

«Вот и стала она для нас с Алей вместо дочки! Аля в ней души не чает! Теперь, говорит, у меня две «дочки» – Катюшка и Мелиссия! Вот так. Живёшь и не знаешь, где найдёшь, где потеряешь! Искали собачку, а нашли дочку!»

На этой оптимистической ноте и завершился очередной «вечер откровения».

ЭДУАРД АНДРЕЕВИЧ

«Ну, господа, шутники-травматики и невинно пострадавшие за идею», – обратился следующим вечером к собратьям по несчастью Эдуард Андреевич, – внимайте и моей исповеди!»

Эдуард Андреевич работал в театре режиссёром. Ещё со студенческой скамьи он проявил большую тягу к жанру комедии. Фантазия его, по части шуток, розыгрышей, организации различных «капустников», была неиссякаема. Став работать в театре, он остепенился, но время от времени устраивал ту или иную «расслабуху с веселухой» да так, что театральная труппа долго стояла на ушах: кто от хохота, а кто от досады, за то, что дал поймать себя на крючок Эдуар-

ду. Разыгрывал Эдуард Андреевич и родных и знакомых.

«Да когда же ты угомонишься, Эдька? – спрашивала жена. – Отвернут тебе когда-нибудь твою головёнку непутёвую!»

Эдуард Андреевич только отмахивался от жены, как от назойливой мухи: «Ну что здесь такого? Шутка есть шутка. А без смеха и юмора жить – от тоски засохнешь!»

«Ну, юмори, юморист, юмори! – с досадой говорила жена. – Когда-нибудь доюморишься!»

Как в воду глядела! Накаркала, каркуша...

Эдуард Андреевич решил разыграть своего приятеля-актёра, неисправимого бабника, от которого уже ушли две жены, вконец обалдевшие от явных и тайных поклонниц мужа. Сейчас он находился в «свободном поиске», чем и воспользовался Эдуард.

Евгений, хоть и битый волк был и Эдуарда знал, как облупленного, со всеми его примочками, всё же купился и попал в умело поставленный капкан.

Розыгрыш, по размаху, задумывался массовым и зрелищным, и Эдуард договорился со знакомым телеоператором заснять весь процесс на плёнку.

Евгению он задвинул такую версию: «Женя, тут женщины из нашего дома замучили меня окончательно. Все от тебя без ума и просят организовать творческую встречу. В театре, сам понимаешь, такого без согласования с высоким руководством не сделаешь – интриги начнутся, обиды, зависть... Я вот что прикинул: а почему бы не провести встречу прямо во дворе дома? Поставим раскладной столик, сядешь со своими

фотографиями и осчастливливай дам! Только снимковхвати побольше, чтобы обид не возникло».

Слово «женщина» действовало на Евгения, как удар хлыста, побуждая к активности. А если ещё добавлялось слово «интересующаяся», он вообще слетал с каблучков и был готов на любую глупость. Этим-то и воспользовался Эдуард.

Вторым этапом подготовки к «веселухе» шли объявления. Эдуард отпечатал штук двадцать. Текст объявления гласил:

«Такого-то числа (в воскресенье), во дворе дома №36, с 15-ти до 16-ти часов состоится кастинг по подбору исполнительницы на главную женскую роль в сериале «Моя любимая хозяйшкa». Желающие принять участие в кастинге, обязательно должны быть одеты в домашние халаты и шлёпанцы, на голове должны быть бигуди, а в руках иметь половник. Без соблюдения этих условий претенденты на кастинг не допускаются. Возрастной ценз – от 16-ти до 45-ти лет. Будет проводиться видеосъёмка. Результат оглашается по окончании. Кастинг проводит исполнитель главной мужской роли, заслуженный артист республики Евгений Хватов».

В пятницу, далеко за полночь, Эдуард расклеил объявления по подъездам трёх рядом стоящих домов, а оставшиеся приляпал на автобусной остановке, доске объявлений и фонарных столбах.

Дело было сделано. Оставалось ждать времени «Ч».

В воскресенье, в 14:30, Эдуард встретил оператора с Женей. Женя был очень доволен тем, что его будут снимать. Оператор ушёл на выбранную Эдуардом точку съёмки, а тот помог установить привезённые Женей раскладные столик со стулом. Как раз напротив своего подъезда, вплоты к придомовой дорожке и разбросал на столике, для антуража, театральные буклеты и афишки. Женя выложил пачку своих фотоснимков, а Эдуард добавил блокнот, сказав при этом: «Ты им не только свои фотографии дари, но и фиксируй из уважения». Женя согласно кивнул и уселся за стол в ожидании первых поклонниц своего таланта, а Эдуард направился к оператору. Действо началось.

Напротив Жени расположилась на лавочке, роскошная белокурая красавица, соседка Эдуарда по подъезду Ольга. Кастинг её не интересовал, а вот заслуженный артист зацепил и даже очень. А и было чем. Высокого роста, спортивного телосложения, с приятным, интеллигентным лицом, Женя притягивал к себе женщин не столько своим актёрским талантом, сколько импозантной внешностью и манерой поведения. Ольга решила не вмешиваться в рабочий процесс, а подойти позже, обдумав хорошенько повод для знакомства. Женя тоже был поражён её красотой. Но заговорить почему-то не решался. Они молча смотрели друг на друга, и между ними возникла даже какая-то внутренняя связь.

«Какая творческая встреча? – думал Женя. – Надо сворачивать всё к едрене фене, хватать эту красотку, пока не исчезла, и бежать с ней!»

Он бы так и поступил, руководствуясь своим порывом, но его сдерживало то, что велась видеосъёмка, а и Эдуарда бы он поставил в неудобное положение перед людьми и он решил провести встречу в максимально сжатые сроки. Ещё раз, жгуче и призывно посмотрев на Ольгу, Женя только собрался обратиться к ней, как появились первые «поклонницы» его таланта.

Женщины робко, опасаясь подвоха, кучковались в сторонке. Евгений встал во весь свой богатырский рост и весело позвал: «Дамы! Будьте смелее! Подходите, вначале по одной!»

Повернувшись в сторону оператора с Эдуардом, махнул рукой: «Валера, начинай съёмку!»

Слово «съёмка» подействовало на женщин волшебным образом. Они воспряли и засемили к столику Евгения. Передвигаться более нормальным способом им не давали, обязательные по кастингу, шлёпанцы.

Евгений, старательно записывал имена и фамилии, вручал свою фотографию с автографом и просил подождать. Не успели «первопроходцы «отойти от столика, как из подъездов, словно тараканы из щелей, повалили, наблюдавшие втихаря за началом «кастинга» остальные претендентки на «главную роль». Женя только успевал записывать их и раздавать фотографии. Оператор передвигался вокруг и непрерывно снимал. Отходившие от столика «конкурсантки», поначалу просто кучковались, не зная, что делать дальше, так как никакого распоряжения от «заслуженного артиста» пока не было. Но, видя, что оператор ведёт съёмку, они, на свой страх и риск, пустились в импро-

визацию: дефилировали семенящими шажками вдоль дорожки; вступали в надуманные диалоги друг с другом, косясь в сторону работающей камеры; кто-то даже пытался запеть и если бы не шлёпанцы, они бы и танцевать начали, несмотря на свой «кухонный» вид – в общем, будущие «актрисы» проявляли себя как могли.

Евгению было не до них. Он взопрел под таким наплывом «поклонниц», а когда закончились фотографии, приносил свои извинения и просил приходить осенью в театр на премьеру, где лично вручит свой снимок в костюме из спектакля.

«Конкурсантки» никак не могли уяснить: причём здесь театр, премьера и фотография артиста – кастинг же! Но вопросов не задавали и молча отходили в сторону. Наконец, поток «претенденток» иссяк, и артист облегчённо вздохнул откинувшись на стуле. Посмотрев на стоящих и спящих вокруг «поклонниц», Евгений мысленно ахнул: «Вот это приоделись дамочки на творческую встречу! А вместо цветов поварёшки притащили! Их что, одновременно с кухни сорвало? Не знали что ли про творческую встречу? Надо будет с Эдиком разобраться потом. Нет, ну и видок! Такое впечатление, что они сейчас примутся коллективный обед во дворе готовить или начнут, дружно, бигуди раскручивать! Надо быстрее сворачивать этот балаган! Сейчас выдам им парочку общих фраз, приглашу на осеннюю премьеру и – амба! Блондиночку, вон, надо быстрее перехватить, пока не ушла».

Только Женя собрался толкнуть небольшую речь, как к столику пошлёпала дородная дама – продавщица

Клавдия из 5-го подъезда. Оператор подошёл поближе и стал снимать крупный план, стараясь, чтобы микрофон камеры максимально фиксировал начинающийся диалог без искажений.

«Ну и что?» – задала вопрос Клавдия.

«Что – «что»?» – растерялся Женя.

«Ну, кого выбрал-то, артист?»

«Вот её», – ткнул пальцем в сторону Ольги растерянный Женя.

«Как это – «её»?!» – возмутилась Клавдия. – Она же в кастинге не участвовала!»

«В каком кастинге? – изумился Женя. – У меня творческая встреча с поклонницами моего таланта!»

«Чего? – отвисла челюсть у Клавдии. – С какими ещё на хрен «поклонницами»?!» Тебя что ли?!»

«Н-ну...» – уже не совсем уверенно ответил Женя.

«А ты кто такой, чтобы тебе поклоняться? Юрий Никулин или Депардья?! Бабы! – повернулась она в «конкурсанткам» – Вали сюда! Здесь какой-то лохотрон устроили!»

Женщины засеменили к столику и взяли Женю в плотное кольцо. Интуиция ему подсказывала, что дело принимает какой-то неправильный оборот и всё может закончиться плачевно для его организма. Со всех сторон посыпались вопросы по поводу «кастинга» и до Жени, наконец-то, дошло, что его банально разыграл Эдуард!

Мысленно восхитившись масштабом талантливо организованного действия, он поднялся и указал дамам в сторону хохочущего неподалёку Эдика:

«Это всё, вон, Эдуард организовал! Мне – творческую встречу, вам – кастинг! Все вопросы к нему! Я не при делах!»

Головы в бигудях повернулись в сторону Эдуарда. Внимание дам переключилось на иной объект и Женя, воспользовавшись спасительной паузой, быстро схватил свои «раскладушки» и, протискиваясь бочком, пробрался к подъезду, где в открытых дверях уже стояла взволнованная происходящим Ольга и призывно махала ему рукой. Затащив Женю в подъезд, она открыла квартиру и буквально впахнула его туда. За дальнейшими событиями они наблюдали, стоя у кухонного окна.

А события развивались стремительно.

«Эдька, паразит, ну-ка иди сюда! – призывала Клавдия. – Народ знать желает, чего это ты здесь устроил!»

Но «паразит» приближаться не спешил, а наоборот, потихоньку, всё так же хохоча, начал отступать по дорожке.

«Ну, гад, держись! – крикнула Клавдия и, взмахнув половником, как саблей, бросила клич: – Бабы, этот обормот над нами чистое издевательство устроил! За мной!»

И Клавдия засемила по дорожке со всей максимальной скоростью, какую позволяли развить шлёпанцы.

Оператор ретировался поближе к остановке и подалее от разъяренных «конкурсанток», но съёмку не прекращал – оно того стоило!

Эдуард, увидев, что подготовка к наступлению перешла в атаку, развернулся и бросился наутёк. Он бы благополучно смылся-от кого там бежать? В шлёпанцах не побегаешь! Но...

Но он, соскочив с дорожки на полянку, чтобы пробежать по прямой до угла дома, оглянулся на преследователей и с маху влетел в открытый канализационный люк.

Острая боль пронзила его ногу, а яркая вспышка погрузила во тьму, когда голова Эдуарда состыковалась с бетонным основанием опоры газопровода...

Очнулся Эдуард на операционном столе, где ему вправляли переломанную голень...

«Вот такие, значит, пироги у меня!» – посмеиваясь, сказал Эдуард Андреевич.

«Хороший пирожник! – подал голос Егорыч. – Массовую «выпечку» организовал! Замес так замес! Уважаю, Андреич!»

«Так это тебе твои «конкурсантки» регулярно передачи носят?» – спросил Алексей Иванович.

«Они, родные! И жена, каждый день, и Ольга с Евгением приходили! Эта парочка вообще довольнёхонькая! Если бы, говорят, не твой «кастинг», мы бы друг друга не нашли! Заявление в ЗАГС уже подали! А женщины наши – они же все добрячки по природе своей – перепугались за меня, когда я в люк спикировал. Простили. Теперь сами хохочут и просят видео переписать на память. Выйду отсюда – займусь. Пусть вспоминают свой «кастинг» на главную роль!»

Палата ещё долго не могла успокоиться. Время от времени кого-то пробивало на хохот, и заводились

все. Но постепенно утихомирились, и в наступившей тишине Егорыч высказал итоговую мысль: «Здесь, мужики, одна только умная штука высматривается: не каждому организму приятно, когда над ним опыты ставить начинают. Вот и пора бы себе зарубки в мозгах сделать, особенно после таких результатов, как у нас с вами. Надо знать: где шутить, когда, как и с кем. Шутка шутке рознь!»

Ему не возражали.

РАССТАВАНИЕ

На следующий день, на утреннем обходе, палата № 7 была основательно опустошена. Выяснив, что жалоб у пациентов нет, состояние стабильное, десяти суточный постельный режим у шестерых из них завершился (у троих три дня назад, а у троих вчера), лечащий врач взял у медсестры истории болезни и, просматривая, выносил вердикт.

«Вы, – обратился он к Володе, – на полную выписку».

«Вы, Кузяев и вы, Старцев – тоже», – сказал врач Алексею Ивановичу и Николаю.

«Вот вам, Соболевский, – повернулся он к Эдуарду Андреевичу, – придётся ещё на вытяжке недели три полежать. И вам, Тополев, с неделку, минимум, ещё у нас побыть надо, пока ключица получше не срастётся. А вы двое, – повернулся он к Егорычу и Юре, – «под наблюдение хирурга поликлиники. Все, кто на выписку – зайти в ординаторскую после обеда за бумагами!»

... С Эдуардом Андреевичем попрощались в палате, пообещав хоть изредка забегать. Саня, с оттопыренной на «вертолёте» рукой, проводил уходящих до выхода из отделения. Вернувшись в осиротевшую палату, он прилёг на кровать и грустно сказал: «Скучно будет без мужиков, сроднились уже как-то!»

«Не бери в голову, Саша, – ответил Эдуард Андреевич, – свято место, говорят, пусто не бывает!»

И – в точку. К вечеру поступил новенький, а ночью ещё двое. Палата № 7 медленно, но неизбежно, заполнялась, и её обитателей ждали новые интересные истории...

СОДЕРЖАНИЕ

Улыбка Сергея Молодцова.....	5
От автора.....	7
Утреннее объяснение в РОВД.....	9
Народная медицина.....	11
«Реанимация».....	17
Авось, кажись, небось и насося выкуси.	19
Здравствуй, дедушка Мороз, борода из ваты!.....	25
Праздник - и точка!.....	31
Случай на дороге.....	34
Наш товарищ 10-й класс.....	41
Не имей 100 ключей.....	50
Не рой другому яму.....	59
Комсомольцы – беспокойные сердца... ..	71
Два сапога - пара.....	80
Фото на обложку.....	103
Семь вечеров в палате № 7.....	130

литературно-художественное издание

С. В. Молодцов
«Поделись улыбкою своей»
сборник
юмористических рассказов

на русском языке

Редактор: А. Н. Вдовенко
Корректурa, макет, Т. В. Левченко

Формат 84x63 1/32. Заказ № 76 Бумага офисная Печать цифровая.
Усл. – печ. л. 2,5. Тираж 100 экз. Верстка, макет: Татьяна Левченко, «Керчен-
ское городское литературное объединение «Лира Боспора»

Как говорят: безвыходных ситуаций не бывает, из любой есть как минимум два выхода. И если вы сможете оценить создавшееся положение под иным углом зрения - считайте, что один выход уже у вас есть и он поможет отыскать другой. Принцип прост: от смешного - к серьёзному. Ведь юмор не создаётся из воздуха, из ничего. Он проявляется повсеместно в нашей повседневной жизни. Вопрос заключается лишь в том, как смотреть и оценивать ту или иную ситуацию.

Присмотритесь внимательнее, сделайте небольшую переоценку и, казалось бы, обыденное, расцветёт ярким букетом юмора.

Сергей Молодцов

